

Улугбек ХАМДАМ

ОДИНОЧЕСТВО

Повесть

*Я на куски разорван, где же ты?
В сердце моем пропасть, где же ты?
Я в нее срываюсь, где же ты?
Одинок, подавлен, где же ты?
Я на куски разорван, где же ты?..*

I ЧАСТЬ

В тот день я направился к другу, чтобы немного поболтать с ним. Как только пришел, нажал на кнопку звонка – ни звука! Снова нажал – тишина. Только хотел повернуться и уйти, как вдруг из-за двери послышался резкий и громкий стук. Прислушался: через мгновение этот странный стук повторился. Насторожившись, толкнул дверь – она оказалась незапертой, открылась. Я окликнул друга по имени, но мне никто не ответил, и только снова что-то резко и отрывисто грохнуло. Встревоженный и удивленный, я вошел в дом. Там царил полный хаос! В гостиной на полу валялись книги, тетради, исписанные и разрисованные листы бумаги, детские игрушки, небрежно брошенная мужская и женская одежда. Стулья были расставлены, как попало; на неубранном столе сиротливо стояли чайник и пиала, рядом с ними – нож, хлеб. Несмотря на солнечный день, в комнате горел свет.

В эту минуту снова раздался резкий звук: оказалось, это стучали раскачиваемые ветром открытые ставни. Я невольно шагнул к окну. Вздыхающаяся парусом белая шелковая занавеска нежно коснулась моего лица. Я выглянул наружу и увидел рощицу. Колеблемые ветром деревья, шумели, шелестели, шептались... Я замер, с нарастающим беспокойством прислушиваясь к этому «шелесту»... Внезапно меня всего передернуло!

Отойдя от окна, я безвольно опустился на один из подвернувшихся мне стульев и закрыл глаза; уши мои продолжали чутко улавливать тревожный шепот деревьев. Я сидел и слушал. Долго-долго сидел и слушал... Потом, пересилив себя, с трудом разомкнул тяжелые веки, медленно нагнулся и подобрал тетрадь, лежавшую на полу, у моих ног...

II ЧАСТЬ

Вот так все и началось – с того самого дня. До «того дня» жизнь моя текла размеренно и спокойно: утром я уходил на работу, вечером возвращался. Меня мало заботило все то, что находилось «за пределами» проблем моей семьи, моей службы, моего материального благосостояния. Мои «мирские дела» вершились удачно, и я был азартно увлечен особым «подсчетом», фиксирующим рост моего благосостояния. Для меня это были не просто «цифры» – это были показатели моего места в обществе, символы моего «сегодня» и «завтра»! В них были закодированы все контуры и краски моей жизни, смысл и значимость моего пребывания в этом грешном материальном мире.

В углу, на полу, играет мой сын: что-то лопочет про себя, передвигает с места на место игрушки, а я с замиранием сердца наблюдаю за ним. Или кричу: «Мы будем сегодня кушать, в конце концов?!» - и тороплю свою жену, хлопочущую на кухне... У меня все прекрасно! Я пьян от жизни! Я умен и здоров, силен и удачлив! Вот эта красивая, стройная женщина – спутница моей жизни, а играющий на полу и так похожий на меня черноголовый малыш (слава Богу!) мой сын! По сути дела, у меня есть все: работа, о которой многие могут только мечтать, прекрасная семья, уютный и теплый дом. И еще – бесконечная хвала Богу! – родители мои живы и здоровы, братья и сестры благополучно устроены, друзьями и хорошими знакомыми я не обделен. Ну, скажите, что еще нужно простому парню? Грех желать большей удачи!

Итак, я твердо стоял на ногах, как бы огражденный от всего негатива этого мира своим «железобетонным» счастьем, и, казалось,

что эта «ограда» никогда не разрушится. Ведь для чего человеку дан разум? Да, прежде всего, для того, чтобы удержать свою птицу счастья. Разве мыслящий человек упустит ее? Да он примет все меры, сделает все возможное и невозможное, чтобы обеспечить этой «птице» оседлый образ жизни. К такому типу «мыслящих людей» принадлежу и я...

Но... ворвался в мои уши тревожный шум деревьев и – все свел на нет: вся моя «железобетонная» логика рухнула, эйфория развеялась!.. Зато появилось неприятное ощущение: будто совершил я преступление, о котором никто не знал, кроме моей совести. И вот эта совесть внезапно «проснулась и заговорила», и повергла меня в странное состояние...

Уже трижды жена приходила звать меня на ужин, а я не могу сдвинуться с места: что-то сломалось у меня внутри. Я утратил нечто очень важное! И я даже знаю «что» - душевный покой!

А деревья все шумят и шумят. Этот шорох, шепот, шелест все явственней и ближе, и я следую за ним, и я тону в нем. И в тот момент, когда он окончательно поглощает меня, я вдруг четко и ясно понимаю: это не просто шум – это музыка, удивительная, неповторимая мелодия! В этом шелесте листьев, даже в самом слове «ш-е-л-е-с-т», в чудном сплетении его шипящих и свистящих звуков ощущается вечное движение, точнее, «мелодия вечности». Как знать, не от этой ли «мелодии» разлетелось на куски мое зыбкое счастье? Во всяком случае, теперь мое душевное состояние стало совершенно иным. В «момент истины» мне открылась тайна, о которой я раньше не ведал. Отныне я уже не был Победителем, но не был и Побежденным. Я вдруг почувствовал, что провалился в некое безымянное МЕЖДУ, и... стал ОДИНОКИМ. А может быть, это «МЕЖДУ» и есть «ОДИНОЧЕСТВО»? Может быть, оно так и называется?.. И несет в себе бесконечное страдание...

* * *

Пустота...

Как отец, потерявший ребенка на шумном базаре, я озираюсь по

сторонам – нет моего сына! Нет!!! В глаза лезут незнакомые, чужие и – хуже того! – до отвращения омерзительные рожи... Я жадно всматриваюсь в них, я ищу, и... сердце мое замирает от нестерпимой боли! Кидаясь во все стороны, высматриваю в толпе только одно лицо – родное мне лицо! ГДЕ ЖЕ ОНО? ГДЕ?! Осталось только вонзить пальцы в свою грудь и вырвать сердце! И таким образом избавиться от непереносимой, терзающей муки!..

Какая жуткая боль! Я проваливаюсь в ее глубокую западню и – падаю, падаю, падаю... Руки мои – вилы – ищут, во что бы вонзиться, за что зацепиться! И, наконец, они выбирают... карандаш: и я пишу, пишу, пишу...

* * *

Временами душа моя, мое Внутреннее скрытое и непостижимое «Я», словно лаская и целуя, обволакивает меня, тянет в свои неизведанные глубины. И тогда мое Внешнее «Я» неподвижно застывает перед ним, как жаба, остолбеневшая под гипнозом змеиных глаз. А «глубины» зовут, затягивают, манят... И если говорить честно, этот «процесс» мне очень и очень приятен. Он позволяет забыться, отрешиться от бесконечных проблем материального мира, и потому мне не хочется «покидать свою душу», не хочется возвращаться к жестоким реалиям бытия.

Но что делать? Жизнь есть жизнь: она диктует свои правила, заставляя каждого из нас заботиться о личном повседневном существовании. Волей-неволей, приходится мириться со своей долей и все-таки «покидать» манящие глубины сладких грез. Без настроения и сил я возвращаюсь в реальный мир, где у всех одна дорога, где все мечутся, носятся, обивают пороги, добывая свой хлеб насущный. В этом мире и я превращаюсь в «одного из всех», и меня терзают те же желания и страсти, и я – раб каждодневного существования. Я не лучше других и не хуже. Но именно это для меня тяжелее всего, страшнее всего, потому что, искренне и глубоко страдая, я чувствую, что разрываюсь на куски, что я разрушаюсь! Сущность моя превращается в поле брани, на котором две моих части, два моих «Я»

- Внутреннее и Внешнее – скрещивают шпаги в жестоком и непримиримом бою. Кого бы ни ранило – страдаю я! Кто бы ни победил, побежденным оказываюсь я! «У нас один путь – согласие!» - кричу я в отчаянии, однако...

* * *

Мои неудачи в материальном мире от моей Внутренней сущности, моего Внутреннего «Я». А та беда моя, что не становлюсь я дервишем и не следую до конца по Пути Любви за великим отшельником Машрабом, – это «Я» меня Внешнего, уверенного в том, что и материальная сторона жизни необходима человеку. Я не пошел по пути аскетов. И хотя в минуты сильного душевного волнения никого не признаю и гроша ломаного не дам за весь этот мир, а лишь качаюсь на волнах загадочных широт и тянусь куда-то или к кому-то с неудержимым и непобедимым желанием, с тоской и волнением, я знаю, что все равно наступит момент «слома», и я, «взяв себя в руки», «вернусь» в этот бранный мир. Этот «момент слома» – период оцепенения – и есть для меня некий переход из одного мира в другой. В этот «момент» я могу быть резким, могу повздорить с окружающими, в частности, со своей женой. Безусловно, она (как, в общем-то, и все вокруг), желает видеть меня только в образе моего Внешнего «Я», поскольку в этом «образе» ее муж переживает за свою семью, бегает на базар за покупками, занимается хозяйством, зарабатывает деньги, суетится вокруг нее и ребенка, одним словом, в поте лица своего «творит мир», который можно «пощупать руками». И ведь этот «Я» действительно Я!...

Так что же для меня важнее всего? Каким делом мне заняться? Чему посвятить свою жизнь, силу своего разума и таланта, пыл своего сердца? С одной стороны, я вроде бы твердо знаю, чего хочу в этой жизни, с другой стороны, нет. Более того, я все чаще прихожу к выводу о том, что все (ну или почти все!), что до сих пор казалось мне неоспоримо правильным, - на деле является спорным и даже фальшивым. Меня это мучает! Мне хочется найти ответы на многие и многие вопросы! И тогда я избираю единственно приемлемый для

меня Путь: я буду писать обо всем так, как оно есть; я беру на себя смелость прямо взглянуть в ужасающее, покрытое синяками и кровоподтеками лицо Истине, и... будь что будет.

* * *

Мурашки бегут по моему телу, и сущность моя «растворяется»... Я не просто счастлив – я сам есть счастье! Я ни в ком и ни в чем не нуждаюсь. Наступает упоительный миг – и я сливаюсь с моим Внутренним «Я», с моей душой. Я разрываю цепи, связующие меня с материальным миром, и передо мной возникает огромное пространство. Но, к сожалению, я совершенно не понимаю «языка» этого «пространства» и очень, очень боюсь, что оно превратится во всепоглощающую Пустоту...

Протяни же мне руку, Боже!..

* * *

Уже давно душа моя ищет уединения. Но не с целью сбежать от людей и стать отшельником, нет, ни в коем случае! Скорее для того, чтобы «освободить сосуд», излить «печали и радости своего сердца»! Но видно все не судьба, и я мечусь в замешательстве, не зная, как приступить к выполнению этой задачи. То я, как наполненный воздухом шарик в руках малыша, рвусь в небо и с нетерпением жду, когда «малыш» отпустит нить и... освободит меня, то жажду «стравить воздух» и вернуться на землю, чтобы вдоволь насладиться ею. И в такой момент мне кажется: коснутся ноги мои земли, и стану я самым могущественным из людей! Мечты... Истина же заключается в том, что повис я между небом и землей, что я опять МЕЖДУ....

* * *

Я не один, меня тысячи, миллионы! И от этого все мои страдания. Сколько живу, все сгораю от желания собрать воедино все разбросанные части Многоликого Меня. Господи, Боже мой, только

Ты и можешь помочь мне в этом! Но, где же ты, Господи? В поисках Тебя я весь мир перевернул с ног на голову! Бессмысленные поиски, но нет сил у меня прекратить их, потому что, как только желаю отрешиться от духовного и жить только «материальным», – Ты вновь смущаешь мою душу. Господи, Ты ли испытываешь меня, или судьба моя злосчастлива? – не знаю...

* * *

Покачиваясь в колыбели печальной мелодии, сглотнул я, как бы пытаясь скрыть волнение, и снова ощутил в горле знакомую боль. В голове пронеслось: «Лишь бы смерть не настигла в разгаре саратона!» Но вместо страха ощутил в своем сердце удивительный покой и поразился: Боже мой! Что же есть такого в моей душе, что перед этим «таким» даже жизнь моя для меня незначительна?! Почему я не бросаю все свои дела, чтобы немедленно заняться своим здоровьем? Что препятствует мне в этом? Кто же этот тот, кто делает мою жизнь такой невзрачной и ничтожной? Кто?!..

* * *

Лежу, ласкаю свою жену и с удовлетворением осознаю, что мы оба испытываем от нашей близости огромную, истинную радость! И вдруг, в момент непередаваемого наслаждения, из меня вырывается НЕКТО – вырывается из моей груди, отделяется, отдаляется, смотрит на нас, лежащих, и... горько жалеет нас! Нет, не только нас, он жалеет всех мужчин и женщин, все человечество, искренне считающее, что именно интимная близость и есть ни с чем не сравнимая вершина блаженства! Внезапно я ощущаю ЕГО брезгливость ко всему роду людскому, к его жалкой участи приговоренных блаженствовать именно «таким путем» и жить именно «таким образом». Потом ОН отдаляется... тает... и последнее, что я ощущаю, - его презрительно-равнодушный взгляд...

* * *

Лето!

Вечер!

Я – на пятом этаже. Открыл окно и жадно вдыхаю напоенный прохладой воздух. «Стартовавшая» под напором ветра «волна» густой зеленой рощи, подобно морской волне, вздымаясь и опадая, «бьется о берег» – прямо у моих ног. Живительная прохлада ласкает меня, нежит мою душу, а взор мой, наслаждаясь, «обнимает» полную красавицу луну, царствующую на небе. Любуясь волшебным ликом надвигающейся ночи, я вдруг почувствовал, что теряю душевное равновесие, хмелею. Сердце стало захлебываться от прилива эмоций, и я осознал тщетность усилий выразить «в слове» всю полноту, все непередаваемые нюансы и краски потрясающего, неповторимого великолепия природы!

Эти строки появились лишь спустя неделю, когда я смог, наконец, осмыслить свое состояние и описать (и то лишь весьма приблизительно!) упоительное очарование того удивительного вечера.

Тихо покачивая вершинами, роща купается в лунных лучах. Я любуюсь красотой этой рощи, и сердце мое волнуется и трепещет. В этом магическом пейзаже я ощущаю удивительную ЧИСТОТУ, и в душе моей тут же рождается желание стать частью этой рощи, превратиться в дерево, озаренное небесным сиянием.

И вдруг мне становится неуютно, нехорошо... Появляется странное, гнетущее ощущение дискомфорта: будто прилипло ко мне что-то, и источает неприятный запах. Стыдно!.. Я мчусь в ванную, принимаю душ – не помогает! Не помогает потому, что я четко и ясно осознаю, насколько выше и чище меня эта роща, кружащаяся в суфийской молитве «само» под аккомпанемент лунного луча. И в сердце моем растет, усиливается желание продлить жизнь, став этой рошей – ее деревом, или хотя бы веточкой, или, на худой конец, листком.

«И это тот «Я», который гордо трубит на весь мир о величии

Человека!», - такая мысль с быстротой молнии пронесится в моей голове, вонзается кинжалом в мое сердце и... застревает в нем.

* * *

До каких же пор мне ходить в этом «рабском образе»? Я уже вконец измучился! Сколько еще должен жить я, ожидая Тебя, мечтая вернуться к Тебе, молиться Тебе и, наконец, стать частицей Тебя, Твоей Вечности?! Надоело! Меня уже давно тяготят мои метания, мои вечные поиски «смысла жизни»! Боже! Я не могу найти самого себя! Меня нет! Где же Я? Внутренне я осознаю себя «разбитым» на тысячи мелких кусочков. Какой из этих «кусочков» истинный Я? Кто я такой? Человек ли я, который каждое утро взывает к Тебе с мольбой о чистой жизни и клянется избегать греха? Или же лицемер, не умеющий сдержать свою клятву даже до вечера?! Лицемер, который, прикрываясь «своей правдой», прячась за нее, пускается днем во все тяжкие, а ночью, не находит себе покоя, мучается, страдает, ворочается в постели до следующего утра. Кто же я на самом деле? Очковтиратель, не имеющий за душой ничего, кроме завышенных претензий на высокие научные титулы и жажды «признания в вечности», или действительно ученый, не мыслящий своей жизни без свершений и открытий, приобретений и потерь, получения и распространения знаний? Кто я? В моей душе живут тысячи, миллионы бойцов, и происходят тысячи, миллионы сражений: вот только где Я? и на чьей Я стороне?

О Господи! Я потерял себя. Я совсем «измельчал», растворился среди ничтожных житейских забот, которыми сыт по горло. Не имея сил вырваться из этого «рабского омута», я опротивел сам себе. В бесконечной круговерти суеты, не зная ни отдыха, ни перерыва, я бесконечно выполняю какие-то обязанности, решаю какие-то проблемы... – какая тоска! Согласись, обидно всю жизнь, подобно «запрограммированному» муравью, сновать по «прочерченным» дорожкам, чтобы однажды просто... взять и умереть. Нет, что-то во всем этом не так! И вот что я скажу: этот мир – мир который я знаю – не есть Истинная Производная Всего Твоего Могущества, Господи! А

я жажду увидеть и познать Истинное!

* * *

... Я так и не смог утолить своей печали! ОН заставил скитаться меня, как бездомную собаку; «ударив» по рукам, лишил работы; жарким дуновением своим разбудил мою душу и изгнал из нее мирские желания. Глаза мои ввалились оттого, что сумел я увидеть ЕГО ИСПЕПЕЛЯЮЩИЙ ОГОНЬ! Эй, друг, если ты не ощущаешь в своей душе подобного жара, не приближайся ко мне!..

* * *

Я все понимаю, все ощущаю на вкус. Я словно внимательный зритель, наслаждающийся театральной постановкой. Но самое интересное заключается в том, что я не только зритель, но одновременно и актер, занятый в этой постановке. Получается так: будучи зрителем, я пристально наблюдаю за игрой актера N, а, будучи актером, всем существом своим остро ощущаю взгляд зрителя N. Я как в западне. Мне жаль меня и того, и другого, и зрителя, и актера. И вновь возникает вопрос: кто же «из них» истинный Я? Неужели желание человека «быть самим собой» неумодно Богу? Как же так? Почему? Ведь Бог сам по себе неотделим от меня! Точнее, я неотделим от Бога! Может быть, именно эта «тоскующая часть меня» и есть «кусочек Всевышнего» во мне?.. Не знаю... Я ужасно устал, и все-таки порою моя кровь начинает бешено струиться по жилам, и в сердце загорается жажда бунта...

* * *

Эй, соловей, заливающийся в цветнике! Возможно, тоска рождается в душе человека оттого, что не дано ему быть таким, как ты? О, если бы мог человек уподобиться тебе, чтобы, забыв свои многочисленные горести и печали, «слиться» воедино с природой, став чарующей слух трелью, – может быть, тогда не тосковал бы он

так сурово, не сходил бы с ума от дум, терзающих сердце! Сущность человека – скопление «горестных наслоений» страданий, обид, боли, ненависти, злобы, зависти, отчаяния... – результат трудной жизни, тяжкого труда. А сердце человека – раскаленная топка, в которой бушует огонь, пожирающий его жизнь! (может быть, это и есть АД?).

Пой, соловей, пой! Дай мне насладиться твоим дивным голосом так, чтобы, забывшись хоть на миг, всем существом своим ощутить удивительное состояние свободы! Чем выше ты берешь ноту, тем легче и радостней становится у меня на сердце, и, наконец, наступает миг, когда, опьяненный твоим пением, я «сливаюсь» с тобой, и грезится, что это уже не ты, а я вывожу немыслимые сладчайшие рулады! (может быть, это и есть РАЙ?)

Иногда во сне я вижу себя поющим, берущим высокие и чистые ноты. И вновь я как бы раздваиваюсь и смотрю на себя «со стороны», и внимательно слушаю собственное пение, с облегчением и радостью ощущая, как дробится и «тает» ледяная глыба печали в моем сердце. Пою и... слушаю. Проснувшись, ощущаю потрясающую легкость во всем теле и радость в душе. Увы, только во сне человек, чье бодрствующее сознание опутано тысячами условностей, может парить свободной птицей!

Эй, соловей, чья звонкая трель звучит из бело-розовой пены цветущего урюка! Пой! Пой так, чтобы я, ЧЕЛОВЕК, считающийся венцом вселенной, возжаждал уподобиться тебе, чтобы, замороженный твоей песней, пропал бы в ее страстном огне, как мифическая саламандра!

* * *

Долго просыпаюсь... Выныриваю из омута сна и с трудом соображаю – кто я? где я? Мое внимание привлекает тусклый свет, «подсматривающий» за мной в незашторенную щель окна. «Надо же, уже рассвело!», - бормочу я вслух и, чувствуя скованность во всем теле, начинаю настороженно озираться по сторонам, окончательно определяясь с вопросом – где я? Приподнявшись, сажусь в постели, прислушиваюсь: тишина... Вокруг тишина, и «внутри меня» тоже

тишина и... растерянность. Я снова укладываюсь в постель и стараюсь уснуть, чтобы «вернуться» в свой прекрасный сон – манящий омут. Но уснуть не удастся, зато в голове «кружатся» вопросы: какой из этих миров истинный? тот, который «во сне», или вот эта мозолящая глаза «реальная действительность»? Почему так различны сон и явь? Почему я пробуждаюсь? Какая сила вырывает меня из сладких «грез ночи», вынуждая «вступать в контакт» с холодной и жесткой действительностью? Или наоборот: не считаясь с моим желанием, отправляет в эфемерный мир сновидений?

Нет, не уснуть. Чувствую – хочу писать, встаю, потихоньку выхожу во двор и только тут окончательно просыпаюсь и понимаю, что нахожусь в кишлаке. Пронизывающий ветер резко бьет меня в распахнутую грудь. Ёжусь от холода. Зима! По постепенно сгущающейся тьме понимаю, что солнце не всходит, а заходит. Значит, я перепутал рассвет с закатом. Совершенно не помню, как и почему я уснул, но, собственно, сейчас и не стараюсь вспомнить. Замерзнув, захожу в дом, набрасываю на плечи пальто и – снова под открытое небо. Иду по огромному двору, направляясь в самый отдаленный его конец. Странно, еще не ночь, а уже никого нет в этом всегда шумном и суетливом месте: и ничего не слышно! Ничего, кроме «захвативших» все пространство неприятно-тревожных завываний ветра. Внезапно чувствую себя совершенно потерянным, заблудившимся, как тот человек, который уснул вместе с товарищами под открытым небом, а, пробудившись, понял, что караван давно ушел, и он остался один в огромной пустыне, и на него надвигается набирающий силу ураган. Одинокий и испуганный, он с ужасом озирается по сторонам и... Я тоже с ужасом начал озираться по сторонам. Леденящая пустота быстро надвигающейся зимней ночи, как жадный дракон, начала «поглощать меня»: путать мои мысли, сковывать движения... Может, я действительно заблудился, и эта ледяная тьма сейчас поглотит меня?!

«Закрученный» своим разыгравшимся воображением, пробираюсь в конец двора. Зубы стучат от холода. Чувствуя, что леденею не только «снаружи», но и «внутри», спешно расстегиваю ширинку и начинаю с шумом «отливать». И вдруг... забыв и о зимней стуже, и

своих «выдуманных» страхах, начинаю испытывать огромное удовольствие: мочусь с наслаждением, играя, вожу членом из стороны в сторону, дерзко запуская сильной струей прямо «в рожу» ледяной пустоте. Хорошо!!! Вижу пар, поднимающийся от горячей мочи, и... ощущаю живительное тепло, разливающееся по всему телу. Эта малоприглядная «реальная картинка» окончательно возвращает меня в реалии окружающего мира. Твердыми шагами направляюсь к дому, вхожу и, найдя уютную печь, прислоняюсь к ней, греюсь. В голове мелькает мысль: «получается, я выбрался из пропасти ледяной пустоты, «ухватившись» за струю собственной мочи». Получается так. Интересны и неожиданны ассоциации человека! Я хватаюсь за карандаш и «перевожу» на бумагу свои ощущения, которые, вероятнее всего, покажутся многим весьма странными. Причем, когда я с жаром описывал и свое состояние, и свои мысли, и свои действия в тот зимний вечер, то ощущал себя истинным писателем – искренним и откровенным в своем исследовании «неожиданных закоулков» души человека. Когда написал и перечитал, брезгливо поморщился: почему загорелся описать все это? зачем? - непонятно, но уже описал, и с этим мне жить.

* * *

В желудке у меня – прямо под грудной клеткой затаилась язва. Временами она изводит меня так, что хочется вонзить пальцы в грудь и выдрать ее! и вышвырнуть вон!.. Последнее время часто думаю о смерти. Неужели мучающая меня болезнь и есть приговор судьбы? Что бы там ни было, но сейчас я испытываю страстное желание писать, «снять копию» с самого себя, «отделив» свои мысли, свое духовное «Я» от разрушающегося тела, и таким путем продлить угасающую жизнь.

«ЖАЖДА ЖИЗНИ – альфа и омега всего сущего на земле», - шепчу я сам себе...

* * *

Нет, я живу, я чувствую и вновь с трепещущим сердцем складываю сбивчивые и несурзные строки. Но чувства мои вновь с привкусом горечи. Я подавлен и уничтожен. Радость, почему ты так редко посещаешь мое сердце? Лишь в горестных столах – мое утешение, потому что снова все дороги ведут только к НЕЙ (любимая, я стремлюсь к тебе, я желаю тебя!..).

«Женщина создана из ребра мужчины, и только при «воссоединении частей» возможно ощущение ИСТИННОГО ЕДИНСТВА, СОЮЗА, СЧАСТЬЯ!», - так утверждают в моем сознании наставления из духовных книг...

У меня масса дел, но за что бы я ни взялся, везде и во всем вижу только ЕЕ! Я вконец извелся... Моя любовь – это мое мучение, моя болезнь! Я пациент, «зараженный» вирусом губительной страсти, несчастный раб, которому не под силу разорвать сковывающие его цепи.

Увы, на земле много подобных мне «рабов», мечты которых зациклены на одном, – на обладании любимой женщиной! Однако, бесстрастно проанализировав свое состояние, я все-таки отдаю себе отчет в том, что в отличие от «многих» еще способен контролировать свои чувства и поступки, и потому прекрасно понимаю: воссоединение с НЕЙ равносильно... потере.

Я был влюблен в Весну! Весна позволила мне прикоснуться к ее шелковистым кудрям... и что же потом? А потом я начал скучать...

* * *

Насколько это больно и горько – сгореть в твоём огне, настолько и сладостно. Это равносильно печали разлуки. Разлука входит в сердце человека с болью, но в то же время она готовит в нём почву для будущей встречи, а значит, и будущей радости. Не могут быть сладостными свидания без разлук. А сладость разлуки – в муках сердца и ожидании встречи. Именно так я люблю тебя – радостно и печально. Ты прекрасный тиран, отобравший мою свободу! Ты

страдание, дарующее мне блаженство!

Я тоскую по тебе, и я ощущаю: причина моей тоски в том, что во мне есть частичка тебя. Сам того не осознавая, я «выкрал» ее у тебя в чудесные минуты нашей близости, и теперь твой образ – часть меня, моей души. И какие бы ветра не леденили мое сердце, ты согреваешь его, ты снова появляешься на моем жизненном пути и... снова подчиняешь меня себе.

Может быть, это обидно, будучи сильным и крепким мужчиной, жить, ощущая свою полную зависимость от приказов «маленькой страны», - собственного естества, своего тела? Унизительно превратиться в раба слабой женщины! Может быть... Но факт остается фактом: в присутствии ЖЕНЩИНЫ я только влюбленный мужчина, потерявший рассудок и волю. Сильный и беззащитный одновременно. И это приводит меня... в изумление!

Днем я чувствую твое дыхание, ночью – ощущаю тебя в своих снах. Зачем ты преследуешь меня? Зачем уничтожаешь? Ты – словно чума, а я – будто изнуренный больной, согреваемый слабой надеждой выжить по воле счастливого случая. Душа моя настолько истомилась в тисках бесконечных переживаний, что, вконец измученный, я жажду получить свободу! Нет больше сил выносить страдания, имя которым – ТЫ! Какая ирония, какое горькое счастье – лишиться рассудка и бродить «по пустыне жизни», подобно легендарному Меджуну. А я чувствую, что «теряю себя», – и это ощущение поселяет в моем сердце страх! Это чувство подобно тому, которое испытывает больной от прикосновения к его телу лезвия хирурга, пытающегося удалить нарыв. Может, ты и есть то «лезвие», и мое «излечение», действительно, в тебе?! Может, и вправду, лишь потеряв себя, я обрету, наконец, покой и счастье? Но тогда... тогда чьим же будет это счастье? – мое или... Я не знаю.

Человек не может одновременно так любить и так ненавидеть! А, может быть, МОЖЕТ! Не знаю. Не могу понять, кто ты для меня: мой стремительный взлет или... сокрушительное падение?

Неужели возможно до такой степени попасть под влияние женских чар? Вроде бы я не восемнадцатилетний романтический и неопытный паренек! Тогда откуда во мне эта потерянность, слабость,

опустошение?.. Неужто наши души действительно «куски божественного магнита», с невероятной силой притягивающиеся друг к другу? Ну что в тебе «такого», что заставляет меня вот так сходить с ума? Нет ответа на этот вопрос, но зависимость тяжела для меня: она убивает, и поэтому порой в моей душе рождается жуткое желание уничтожить тебя, распылить на мелкие кусочки, чтобы не мучила ты меня больше, не изводила бы мою жизнь...

* * *

Чувства...

Подумав, - «а ну, что будет?» - я стал «исследовать» свои ощущения, эмоции, желания, пытаюсь глубинно осмыслить их, «рассмотреть» и с одной, и с другой стороны. Ничего не получилось! Опыт не удался: все растекалось, путалось, ускользало... Разозлившись, я «схватил» свои чувства «за уши» и, загнав, как зайцев, «в клетку», сделал еще одну попытку рассортировать все по полочкам, все объяснить, оценить, описать... Я нагромоздил пласты строк, осмысливая абстракцию, называемую «чувством»:

«Упоительно и страстно целуя женщину, мужчина воспринимал себя тяжело больным, а свои поцелуи – единственным средством, способным избавить его от подобного состояния. Вдруг женщина требовательно прошептала: «Скажи мне что-нибудь!». Мужчина молча покачал головой: к чему слова? Но тут же подумал: «Может быть, ей это необходимо – «слышать» его чувства – и тихо произнес: «Я люблю тебя!». Женщина брезгливо поморщилась: «Какая «дежурная», затасканная фраза! Ты, верно, считаешь меня пятнадцатилетней девочкой, способной раскраснеться и затрепетать от одного только слова «люблю». Неужели не можешь придумать ничего оригинальнее?!»

Они расстались. Время шло. Неловкость осталась. Одно время мужчина избегал встреч с этой женщиной, и когда судьба вновь свела их вместе, не обнял, не приласкал ее, но... но неожиданно почувствовал: их сдержанность, их попытка равнодушия стали перерождаться... в страсть. Поначалу это отразилось в глазах:

состоялось красноречивое объяснение на языке взглядов. Затем оба стали уделять особое внимание своим словам, скрывая в любой невинной фразе намек, потаенный смысл, подтекст. При их первой близости все, в основном, сводилось «к постели», и сердца сковывал холод и недовольство друг другом. Теперь все изменилось: подобно подросткам, тайно передающим друг другу любовные записки в томах «солидных» книг, они начали «обмениваться»... словами, в которых разгорался и разгорался, достигая своего апогея, жаркий костер вновь рождающегося истинного чувства. Согретые этим «костром», мужчина и женщина ощущали непередаваемую, особую окрыленность души!

Однажды они услышали песню на английском языке. Глядя в глаза мужчине, женщина начала переводить текст:

*Словно рыба, выброшенная на берег
волною, бьюсь.*

*Рядом, рядом со мною мой океан -
тянусь.*

К небу подпрыгну – прохладу волны вдохну.

Лишь к воде,

лишь к тебе,

лишь к свободе своей стремлюсь!..

И сердце мужчины «взорвалось»! Не обращая никакого внимания на проходящих мимо людей, он уверенно шагнул к СВОЕЙ ЖЕНЩИНЕ, легко поднял ее на руки и... крепко поцеловал в губы. В этот удивительный, потрясающий миг его ощущения были гораздо сильнее, искреннее и ярче слов, прозвучавших когда-то пустой «дежурной фразой» - «Я люблю тебя!».

Так, довольно лирики! Подобные сцены можно описывать бесконечно и в разных вариантах, и все это будет поверхностным, а не глубинным осознанием многочисленных вопросов, связанных с таинственным миром человеческих чувств. Подобно гадким насекомым, вопросы «заползают» мне в уши и крутятся, копошатся в моей голове, и мучают ужасно: «Получается, чем дольше разлука, чем

больше препятствий для встреч, тем сильнее разгорается огонь любви? Неужели нечто, вспыхивающее временами в глубине ее глаз (где-то на самом дне их!), завораживающее и притягивающее, и есть то, что я воспринимаю как один из ликов Создателя? И именно это держит меня в плену? А может быть, это всего лишь мираж твоих колдовских чар, женщина? Или буйная фантазия моих чувств, будоражащих душу? Неужели я могу так жалко обманываться?

- Ладно, хватит заниматься самокопанием, надо закончить «любовную историю»! Дальше-то, что было?

Дальше... женщина была растеряна и встревожена, как ребенок, с нетерпением ожидающий свою мать. Она доверчиво прильнула к любимому и прошептала: «Как же ты меня измучил!». Обжигая ее ухо горячим дыханием, мужчина тихо ответил: «Только ТЫ так безумно волнуешь меня! Только в минуты наших встреч я по-настоящему живу! Только когда ТЫ рядом – я не одинок!».

Женщина подняла голову, внимательно посмотрела в глаза мужчины и... поверила ему. На ее ресницах засверкали слезы...

* * *

Песня, доносившаяся издалека, стала постепенно приближаться, и, наконец, зазвучала над самым моим ухом. Я открыл глаза и увидел свет, и свет тот жил, переплетаясь со звуками чарующей песни. Моё внимание привлекло движение на ворсе ковра: странная игра света и тени... словно кувыркается группа ребятшек. Я поискал глазами «источник» этой светотени и увидел за окном огромное дерево, пронизанное лучами солнца. Поднявшись, подошел к окну и хотел отодвинуть занавеску, но вдруг понял, что и она «принимает участие» в этой «игре»: колышется, трепещет, «отражаясь» на ковре, и... поразился этому. Зачарованный, я вновь посмотрел на солнце, созревающее диковинными плодами на ветвях дерева. До меня доносился тихий шелест листвы, колеблемой нежным ветерком. Тогда я поспешно распахнул ставни и... ощутил себя рядом с деревом. Как влюбленный Меджнун, любующийся своей Лейлой, я ласкал это дерево взглядом – от подножия ствола до самых кончиков

прекрасной кроны. Погрузившись в мир своих грез, я забылся, отрешился от всего окружающего и вдруг, ощутив внезапный внутренний порыв, бросился в объятия прекрасного дерева и, дрожа, с нежностью прильнул щекой к его теплому стволу...

Где-то, «внутри меня», зазвучало «пение» муэдзина, призывающего к молитве...

* * *

Снова дождь... Он тревожит... Он шелестит в моей душе обрывками воспоминаний, накатывая волнами сладкой боли. Я снова рассеян, и мысли мои в беспорядке, я снова не могу «найти себя»...

В душе моей много «миров». Я пытаюсь осмыслить их, осознать, но они, словно зыбкие тени: тают, ускользают – мучают меня. Моя любимая женщина – тень: вроде бы она есть, а вроде бы ее и нет. В тени превращаются и близкие, родные мне люди, по которым я очень скучаю, но... ехать к ним не хочу. Почему? Не знаю. Я пытаюсь осмыслить эту ситуацию, которая явно противоречит здравой логике, но самоанализ заводит меня в тупик: мысли путаются, и я, как слепой, потерявший свой посох, пытаюсь двигаться на ощупь, но... быстро устаю. Меня можно сравнить и с человеком, опоздавшим на свой корабль и оставшимся в полном одиночестве на пустынном берегу. Эти ассоциации поселяют в душе уныние, рождают ощущение тоски, потерянности, безразличия... Я «выпадаю из жизни», замираю...

Но вот мои уши снова начинают воспринимать звуки, я снова слышу тихий, печальный и ласковый шелест и ощущаю его согревающее тепло. ДОЖДЬ! Это шумит ДОЖДЬ! Я «оживаю», вскакиваю, сбрасываю с себя оцепенение, и, бурно радуясь, словно смертник, ускользнувший от топора палача. Я ликую – ДОЖДЬ! Какое ты чудо, ДОЖДЬ! «Цепляясь» за «шелест», выбегаю на улицу... В моем сердце – жажда жизни и страстная надежда на чудо! В душе – желание уехать куда-нибудь, далеко-далеко...

Побродив по улицам, я «остыл», промок, почувствовал голод и... вернулся в свою квартиру. И снова в душе ощущение потерянности и тоски... и на глазах – слезы.

* * *

Послушай! – обратился я к своему внутреннему «Я», - Чего тебе надо? Что ты бесконечно мотаешь меня из стороны в сторону, бросаешь то в огонь, то в воду? Зачем так люто терзаешь, мучаешь? Чего тебе не хватает? В мечтах – паришь в облаках, а что на деле? То ли нестыковка фантазий и реалий приводит тебя к столь печальным результатам, то ли твоя неутолимая жажда все постичь, все прочувствовать, все испробовать... На собственной шкуре!

Когда же ты покончишь с бесконечными метаниями между «идеальным» и «реальным», «возвышенным» и «приземленным», чтобы (наконец-то!) «слились» воедино две враждующие «половинки» моей души? Мне надоело «раздваиваться»! Надоело спорить с самим собой! До каких пор ТЫ будешь идти наперекор МНЕ? Наступит ли для меня счастливое время мира, согласия и единения с самим собой?

Пока что – только споры, только вечные сомнения, только откровенная полярность позиций! Я устал. И когда это все кончится? Когда?!..

* * *

Твой образ, возникнув в моем сознании, «запер меня в клетку». Если бы не сила воли, то мой разум оказался бы на грани безумства, и тогда прославился бы я как Меджнун нашего века. Но в современном мире безумие не в чести, и я изо всех сил стараюсь «соответствовать», тогда как в «мире собственной души» уже давно скитаюсь, потерянный и неприкаянный, страдая по ТЕБЕ.

ТЫ «разметала» меня, разбила вдребезги мой разум, заполненный столь необходимыми для человека реалиями: стремлениями, планами, честолюбивыми желаниями... ТЫ заставила меня безоговорочно принять твою программу жизни, лишённую какой бы то ни было материальной конкретики. Получается, любовь к тебе – препятствие на пути к достижению моих целей! Но, может быть, ТЫ и есть самая

высокая моя цель? Самое заветное мое желание? Не знаю...

ЛЮБОВЬ поработила мой разум, потому что ЕЙ мало места только в моем сердце. Это чувство – безжалостный завоеватель, а я – покоренная страна.

Я подобен пламени, жаркие языки которого рвутся к небу – к ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ! Если мои глаза «теряют тебя», я мгновенно начинаю мучиться так, словно теряю самого себя. И все кажется мне, что ТЫ – нечто неуловимое, что ты отдаляешься от меня куда-то... в вечность. Мои мысли о ТЕБЕ – грустная песня, беспрестанно звучащая в самой глубине души. И чем больше наслаждаюсь я, слушая эту песню, тем больше страдаю, и чем больше страдаю, тем сильнее наслаждаюсь своим страданием. Замкнутый круг!

Появись ТЫ, и я упаду к ТВОИМ ногам. О Боже, где же мое достоинство, моя гордость и моя честь? Вся моя жизнь сгорела дотла на жертвенном костре этой любви, потому и мысли мои – только о НЕЙ? А ведь я давал обещание молиться только Тебе, Всевышний! Где же теперь они, мои обеты и обещания? Где вера моя, поддерживавшая душу? За что мне такое наказание? Зачем Ты, Всевышний, столкнул меня с противником, который бесконечно сильнее меня? Почему зная, что я потерплю поражение, Ты все-таки принудил меня к неравному бою, призывая: «Одержжи победу!». Или Ты издеваешься надо мной?

Я, сильный мужчина, оказался слаб перед великой силой Любви и теперь плачу от своего бессилия. «Я должен был победить!», - кричу я в отчаянии. Эй, подзвездный мир, посмотри на меня, а, посмотрев, воздай мне хвалу! И похвали меня не за то, что я выиграл неравный бой, а за то, что проиграл сражение, и теперь не знаю – радоваться мне или горевать.

Передо мной во весь свой высокий рост вытянулся день, в котором не будет тебя. Он вырос на моей и без того неровной дороге, как гора, как препятствие. И я должен осилить эту «гору»!

Любимая, ты словно Родина: окажусь вдали – погибаю от тоски по тебе! Любимая, ты словно пламя: приближаюсь к тебе и... сгораю дотла! ТЫ заполняешь все уголки моего сердца! Каждый раз, при встрече с ТОБОЙ, я волнуюсь, как мальчишка при первом

свидании...

Когда я целую тебя, то забываю обо всем на свете и... жажду быть бессмертным! А ведь смерть, - как утверждают Мудрые, - является одной из непреложных «целей» человека? И человек должен понимать, что жизнь его есть только подготовка к смерти, к отчету перед Всевышним?

Наверное, так, но, думая о тебе, я забываю об этом! Радость свидания с тобой стирает в моей душе возвышенные и грустные мысли о Вечном. Мы любим друг друга, и я верю: даже Смерть не разъединит нас, поскольку ТАМ души наши сольются и станут единым целым.

Наконец-то я вырвался с работы! Теперь на какое-то время абсолютно свободен, и смогу, наконец, сосредоточиться «на себе», на своих переживаниях, смогу спокойно излить свою душу, в которой столько всего накипело и наболело! Сейчас я ощущаю себя немым, которому – вдруг! – по милости Божьей! – дано заговорить! Душа звенит! Теперь я разбушуюсь, разольюсь как вода, пробившая тысячелетнюю плотину!

А ну, найдутся ли УШИ, которые захотят вслушаться в мощные звуки моей «бушующей воды»?

* * *

Что, мое бедное сердце, ты опять попалошь? И снова в тот же самый капкан: бессонница, терзания, беспокойство... А ведь тебе уже почти тридцать! И все-таки ты уже в который раз спотыкаешься об один и тот же колышек? Где же твой жизненный опыт, твои мудрые выводы?

Во всех своих словах, сказанных и написанных, да, практически, и во всех своих действиях я, стараюсь исходить из реалий жизни, стараюсь все объективно и логически осмысливать. Очень стараюсь, но спотыкаюсь об одно «НО»...

О, мое бедное сердце, кто позволил тебе ПОЛЮБИТЬ? Кто позволил тебе взойти на этот костер бесконечных страданий? И где они теперь – моя воля и моя объективность? Любовь – чудесная

сказка, мечта! А реалии жизни – вот они: с одной стороны – семья, дети; с другой – нищета, скалящая свои зубы...

Тебе, о мое бедное сердце, не под силу стать Меджнуном, чтобы «скитаться по пустыне любви», да и нет у тебя убежденности в том, что и ее сердце захочет стать «безумным» и последовать за тобой в этих скитаниях! Но несмотря ни на что, ты любишь ее, ты желаешь ее, ты стремишься к ней! Ах, если бы мой разум сжалился надо мной и... покинул бы меня! Лишившись его, я бы избавился и от многих мучений. Но, нет! Хотя в груди моей и полыхает уничтожающий меня огонь – я не потерял рассудка. Может, именно в этом и кроется вся беда моя?

Цепи разума мешают мне действовать необдуманно; холодная логика разума жалит, как змея или скорпион. Я кручусь, верчусь, извиваюсь, стараюсь найти выход из безвыходной ситуации, но... не могу разорвать крепкие кольца этой «цепи», не могу до конца противостоять здравому смыслу. А ЛЮБОВЬ призывает отринуть этот самый «смысл»!

О, женщина! Как же я, такой сильный и уверенный мужчина, дошел до того, что ПОТЕРЯЛ СЕБЯ В ТЕБЕ? И как же я теперь страдаю из-за этого? На долгие месяцы (а, может быть, и годы!) я выбыл из строя: я разбит, я запутался, я сбит с толку, но ОТРЕЧЬСЯ ОТ ТЕБЯ – выше моих сил! О, Боже, зачем Ты так коварно вмешался в мою жизнь! Да разве бы сам я, по доброй воле, вошел в этот колдовской и запутанный «лабиринт любви»?!

О, Аллах, какое мучение! О, моя душа!.. О, моя свободная воля!..

* * *

По непонятной причине я с неприязнью рассматриваю себя в зеркало, рассматриваю, как какую-то малопривлекательную вещь. Морщусь, но упорно вглядываюсь в свое отражение, и мое придирчивое внимание к собственной персоне растет, как у ювелира, строго оценивающего необычный камень. «А ведь когда-нибудь я умру? – вдруг проговорил я сам себе. - И не будет этого отражения в зеркале...». Потом волной нахлынула другая мысль: «Но пока-то вот

он я – жив, здоров! Значит, следует ЖИТЬ, следует загрузить работой свой крепкий «организм-машину»!

И тут мне страстно захотелось, подобно бесправному рабу, трудиться много и тяжело: бросаться в огонь и в воду, бегать, метаться, справляться с любой непосильной работой, изнурять свое тело до тех пор, пока оно не рассыпится в прах, не «разлетится на куски»!

Странные мысли! Хватит! Собственные ассоциации опротивели мне, как продажная женщина, которая «интересна» только до утра.

Внезапно я ощутил холодный ветер, пробравший меня до костей. А ведь мне плохо. Мне очень плохо. Я «присмотрелся» к себе и понял, что совершенно, абсолютно незащищен. Я потерял работу. Но только сейчас, разглядывая себя в зеркало, окончательно осознал, что это значит – ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ! Оказывается, работа – это теплая шуба, надежно защищающая в лютый холод от любых жизненных невзгод. А я эту «шубу» потерял и чувствовал сейчас себя так, будто меня вышвырнули на убийственный мороз.

И ведь я не одинок в своей беде... Я только один из многих...

С ненавистью и ожесточением смотрю на себя в зеркало. Да, стоит, стоит до смерти замучить себя работой! Вот только заполучить бы ее еще...

Мысли делают странный скачок, и... я ощущаю страстное желание заполучить... длинноногую блондинку...

* * *

Любимая, мне необходимо видеть тебя, говорить с тобой (все равно о чем!), слушать тебя, молчать с тобой... Мне необходимо быть рядом, чтобы время от времени тонуть в бездонном океане твоих глаз, ощущать теплые и нежные биоволны твоего тела! Наши встречи дают мне силу быть готовым к любой борьбе, к любым жизненным испытаниям! Ты – тот колоссальный энергетический заряд, который рождает желание ЖИТЬ! О, если бы ты только знала, как много ты для меня значишь и... как мучаешь меня!

О, Аллах, Ты слышишь меня, видишь меня, ведаешь о моих

страданиях. Ты в моей душе и в моем теле, ты – мудрый правитель моей жизни, моих радостей и горестей, услышь меня, помоги мне! Благодаря тебе я обладаю талантом ПИСАТЬ, умением излагать свои мысли и чувства на бумаге. Это Ты, знающий обо мне ВСЕ, водишь моим пером. Но, Всевышний, в то же время я ощущаю и то, как Ты бесконечно, бесконечно далек от меня! Так далек, что иной раз меня начинают терзать горькие и страшные мысли о том, что, либо я не существую для Тебя, либо – Тебя нет...

О, горе мне!.. Что я пишу! Какую очередную беду навлекаю на свою бедную, неразумную голову? Почему меня все время терзают сомнения?

Не нужно мне было писать эти строки.

* * *

Мой сын умер в мучениях... Перед его смертью врачи вытащили все иглы из хрупкого, маленького тела, и сказали: «Скоро он скончается, и вы сможете забрать его». Меня потрясло то, КАК они держались, будто возвращали нам ребенка живым и здоровым. Хотелось растерзать их, прибить, но, взяв себя в руки, я взмолился Всевышнему (на все воля Твоя, Господи!) и как мог постарался сдерживать свое горе и свою боль.

А ребенок все не умирал... А мы сидели и ждали... Долго сидели и долго ждали, часа два-три, не помню...

Вдруг малыш широко раскрыл глаза и посмотрел на меня, посмотрел с таким ужасом, как будто я стою на берегу, а его уносит бешеный поток черной и страшной реки. Душа моя перевернулась. В горле застрял крик боли и отчаяния. Впервые в жизни я понял, что такое быть готовым к самопожертвованию. Все, все отдал бы я сейчас за жизнь своего ребенка! Все! Но это было не в моей власти, и я стоял над ним, потерянный и беспомощный, ощущая бесконечную, терзающую душу вину...

Вернулись домой, и стали готовиться к погребальной церемонии. Перед тем как омыть тело малыша, женщины спросили его имя, сказали, что нехорошо ему уходить «туда» безымянным. А мы не

успели дать ему имя. Я всегда мечтал иметь сына по имени Мухаммад. Всевышний дал мне сына и... отобрал его. Но если я сейчас дам ему, умершему, ЭТО ИМЯ, то у меня уже никогда, никогда не будет сына по имени Мухаммад. Мгновение я терзался, не имея сил принять решение, жалея имя, но потом, не вынеся собственных подлых мыслей, громко выкрикнул: «МУХАММАД! Моего сына зовут МУХАММАД!» Я крикнул это с какой-то злобой, прямо в лицо женщинам, омывающим покойников и сейчас пристально смотревшим мне в рот в ожидании ответа. Потом я обошел всех и каждому по отдельности сообщил: «Мухаммад, имя моего сына Мухаммад!». Все плакали и причитали. Даже из глаз посторонних людей катились искренние слезы сочувствия страшному горю. Вот только у меня – отца ребенка – глаза были совершенно сухими. Я не мог плакать. Слезы «сгорели» во мне. Так и ходил, суетился, хлопотал – бестолковый, бессмысленный, уничтоженный...

Ближе к вечеру люди разошлись, и во дворе остались только члены семьи. Я сидел, бездумно уставившись в воду говорливого арыка, отблескивающего серебром в лунных лучах. Вдруг сердце мое сжалось, и боль моя черным фонтаном вырвалась из наболевшего нутра, и разворотила мою душу. И я заплакал. Я плакал долго и безутешно. Никогда не плакал я ТАК, и не дай Бог, еще раз в жизни ТАК плакать! Мое горе, как мощное течение, уносило меня куда-то, и я ничего не видел и ничего не воспринимал вокруг. Я полностью отдался на волю скорбного «течения» - моего плача – и оно несло и несло меня на своих волнах. Слезы немного успокоили, облегчили душу. Они текли и текли по моим щекам горько-соленым ручьем, будто вместе со своим горем, своей бедой я собирался выплакать и свое сердце. Раскачиваясь из стороны в сторону, в такт своему стону, я таял, растворяясь в своем горе, постигая великую силу плача, превышающего радость смеха. И мне хотелось вечно носиться по волнам этого плача, потому что он «соединил» меня с моим умершим сыном Мухаммадом. В этот момент я не променял бы свой горький плач на все блага и сокровища мира...

Но постепенно, независимо от моего желания, мои всхлипы стали затихать и, наконец, растворились, исчезли, оставив в душе

ощущение мертвой тишины. А я сидел и думал, что теперь уже никогда не смогу плакать, что я уже выплакал все слезы, отпущенные мне Судьбой. Сидел и тихо бормотал про себя: «Вот так, сынок, вот так... Вот и все, что могут сделать для тебя люди... Вот и все, на что способен даже самый близкий тебе человек – твой отец! Прости, сынок, не в силах людей было сохранить тебе жизнь! И я не смог сделать этого. Прости, родной! Пусть светлой и чистой будет память о тебе, сынок! Пусть Аллах будет с тобой там, на небесах, сынок, пусть Он помилует тебя...».

Потом я встал и поплелся в сторону кухни, где хлопотала у очага моя бабушка...

* * *

Ну и кто ж ты, наконец, позорище? Где твоя хваленая индивидуальность, неповторимое «Я», твоя «цельная натура»? Ты раздробился и измельчал. Внешне вроде бы выглядишь как победитель, а на самом деле – жалкий побежденный! «Внутри» тебя ничего нет – ни прямых линий, ни ломаных контуров, ни многоточий – ничего! Ты пуст, как страна, убившая своего поэта. В сердце твоём пусто. Думается, что если бы это было в твоих силах, ты немедленно заполнил бы эту пустоту, и тогда не страдал бы так, не переживал бы столь сильно по поводу своего «утраченного содержания». Но, увы! В запасе у тебя не осталось ничего, что помогло бы подняться и вновь ощутить себя НЕПОВТОРИМОЙ ЛИЧНОСТЬЮ. Ничего! Ты так ничтожен, что теперь даже отщепенец между твоих ног не станет подчиняться твоей воле.

Если бы ты еще не рисовался так явно, тогда куда бы ни шло. А то ведь все пытаешься выставить себя напоказ. Ну и каков результат? Если бы хоть кто-нибудь заинтересовался твоей персоной, то тогда уже было бы не так обидно, но – увы! – «заинтересовавшихся» не нашлось. Поглядеть на тебя, так ты сконфужен, как девица, вышедшая на улицу торговать своим телом и... не заполучившая ни одного клиента. Никто не только не окинул оценивающим взглядом, но даже не оглянулся! Впору залиться слезами по поводу своего

бедственного положения. Ну что же, кричи, стони, вопи, выплескивай обиды, нагноившиеся внутри тебя...

Да... тяжелые дни. Но стоит ли унывать? Можно посмотреть на все это с другой точки зрения, даже пофилософствовать, сказав себе: все пройдет! И эти тяжелые дни тоже пройдут. Время не только судья, но и целитель. Тот, кто наслал болезнь, тот даст и средство излечить ее.

Боже, зачем ты так мучаешь меня? Зачем Тебе это представление? Я – покорный раб твой. Почему же Ты не сжалишься надо мной, не помилуешь меня в моей немощи?

Но... может быть, я чего-то не понимаю? Может быть, именно в наказании Твое милосердие ко мне, а я, грешный, осмеливаюсь укорять Тебя? Прости меня, Всевышний! Секи – я буду целовать Твои плети; волокни меня связанного по колючим шипам – я буду благословлять пути, вонзившиеся в мое тело; направь на меня гнев Свой – я подчинюсь Тебе, но... позволь мне остаться таким, каков я есть: грешным и... кающимся, сомневающимся в Тебе и... стремящимся к Твоей Истине. Только не отвергай меня, Боже!

* * *

Душа моя, уяснила ли ты, в конце концов, что на свете важнее всего ЖИЗНЬ?

ЖИЗНЬ превыше литературы, искусства, науки...

ЖИЗНЬ – величайшая ценность, дарованная человеку!

ЖИЗНЬ – кровь, бегущая по венам, стук сердца, сила, наполняющая мышцы...

И что же странного тогда может показаться в том, что я считаю великим счастьем вдыхать полной грудью чистый и ароматный воздух благоухающего сада? Что для меня встреча с красавицей Весной – **НОВЫМ ВИТКОМ ЖИЗНИ, ИСТИННЫМ НАЧАЛОМ НАЧАЛ** – есть непередаваемое блаженство, заставляющее радоваться и трепетать мою душу! Ну что может быть прекрасней этой встречи?!

Итак, продолжу начатую мысль: ЖИЗНЬ превыше всякой власти, почестей, славы и богатства!

Когда я постигаю эту МУДРОСТЬ, то ощущаю ДЫХАНИЕ АЛЛАХА!

В такие минуты моя бессмертная душа окрыляет мое смертное тело! И тогда я говорю себе: так что же тебе еще нужно, глупец? Ты ЖИВ – и ты ШАХ, ты ЖИВ – и ты ПОЭТ!

* * *

И снова то же состояние: после того, как с криком или стоном завершаю «любовную игру» с женщиной, ощущаю гнетущую пустоту. В глазах закипают слезы, в душе тлеет горькая обида и рождается странное желание каким-то образом компенсировать нечто «утраченное». В душе все переворачивается. Женщину, которую буквально несколько минут назад боготворил, сейчас жажду раздавить и выбросить, как таракана. Господи, что со мной? Я мучительно осознаю, что после каждой близости лишаясь чего-то очень и очень ценного, и что теряю это «ценное» безвозвратно! И тем не менее, через некоторое время пожирающий огонь желания вновь закипает в моей крови. И огонь этот подобен неугасимой страсти азартного игрока, рвущегося к картам: игрок точно знает, что проиграет, но все равно снова и снова испытывает свою судьбу. Так и я в очередной раз с головой бросаюсь в омут, имя которому «женщина».

«Эта тяга естественна, - говорю я сам себе, - это свидетельство моего физического здоровья». И не надо ничего накручивать! Но тогда почему же близость с женщиной в итоге рождает пустоту и сомнения? И вообще, что такое сладострастие в жизни мужчины? Некий особый «элемент», дарующий жизненную силу и прекрасное настроение, или же это тяжкий грех – источник горечи, заполняющей душу? Ведь эта горечь появляется порой даже тогда, когда ласкаешь собственную жену! Отчего так? Может быть, она рождается от мучительного осознания того, что в результате любовных утех может родиться на свет ребенок, и что этот ребенок будет обречен жить в нашем мире, полном боли и страдания? Не знаю. У меня нет ответа на эти вопросы, но они очень мучают меня.

Стон вырывается и рассеивается, как сыпь на языке. И... страсть покидает меня, оставляя пустоту, боль и усталость в душе. Перед тем как заснуть, ощущаю вкус поцелуя Лунной Ночи и вижу блики-следы от прикосновения ее нежных губ к стеклу моего окна. Засыпаю и... просыпаюсь, согретый мягким лунным сиянием, чарующим мое сердце. Прислушиваюсь – тишина... Только играют, просачиваясь в комнату, мягкие нежно-золотистые лучи: переливаются, переплетаются, рассеиваются, наслаиваются друг на друга, создавая сказочную мозаику... Колдовство лунной ночи, красоту которой невозможно описать; можно только увидеть и почувствовать – сердцем!

Луна – вот чудесная возлюбленная, с которой всегда хорошо, которая очаровывает, манит, завораживает, и я тоскую по ней, как странник по заповедной стране. О, как эта страна прекрасна! Это мир мечты и фантазий, это мой «остров сокровищ», мое убежище на «черный день».

Не знаю, как вы, но я, постоянно вращаясь среди людей, ощущаю иной раз острую, нет, жгучую необходимость сбежать от них, спрятаться, скрыться! Вот тогда-то по лунному лучу я и отправляюсь на свой «остров». И не важно, что это путешествие может состояться только в моих мечтах...

* * *

Я уже давно безработный. В моем положении угнетает все и, прежде всего, заботы о пропитании. Сижу дома, взаперти, тупо уставившись в выпученные глаза своей участи. Вроде бы я свободен, но «такая свобода» убивает! Да и желудок бунтует и требует (именно требует!), чтобы я немедленно подумал о нем...

Если сейчас я сяду писать о своей жизни, то дам ей самую ужасную характеристику, подберу самые черные метафоры и аллегории, вынесу самый жесткий приговор, какой зачитывают только закоренелым и опасным преступникам. Так я сейчас воспринимаю свою жизнь!

И думаю, что такое состояние бывает не у меня одного. Если кто-

нибудь из читателей найдет в моих строках созвучие своему собственному настроению, думаю, он, безусловно, поймет мое страстное желание в «определенные моменты» высказаться сочным матом по поводу окружающих «бытовых реалий». С таким читателем мы станем товарищами по несчастью, заблудившимися в пустыне одиночества и неудач.

Но если это так, то получается уже другой поворот судьбы! Получается, что я не одинок и у меня есть товарищи по несчастью! В таком случае, может быть, стоит попробовать свои силы в борьбе с негативами жизни? Возможно, опять Я – нет, теперь уже МЫ! – снова потерпим поражение в битве за СВОЙ ИДЕАЛ, но на то ведь мы и представители рода человеческого, чтобы вечно бороться за что-то! Человек силен, если не чувствует себя одиноким, если имеет рядом с собой друзей, а за собой – последователей. Тогда он и на смерть пойдет с гордо поднятой головой! Говорят же: «На миру и смерть красна!»

Но... не буду я СЕЙЧАС писать о своей жизни. Просто хорошо знаю, что если заговорит человек, чувствующий острую боль от занозы, сидящей в его пальце, то он не сможет пойти дальше жалоб и причитаний. Поэтому, несмотря на мое паршивое настроение, заставляющее рассматривать окружающий мир сквозь черные очки, я все-таки не унываю. Где-то, в глубине моей души горит огонек искренней веры в то, что я обязательно прорвусь сквозь «черноту» своих неудач и сумею ощутить не только горечь, но и потрясающую сладость жизни. Обязательно сумею! Поэтому независимо от всех моих печалей и забот, я все-таки всегда БУДУ ВОСПЕВАТЬ ЖИЗНЬ! РАТОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ! ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ!

* * *

Ранее утро. Я открыл глаза и посмотрел за окно: там только-только просыпалось солнце, и дерево, растущее около дома, неторопливо омывало свои длинные ветви-косы в его искрящихся золотом лучах. С веселым гомоном – чирикаая, «переговариваясь» – суетились в сверкающей пышной кроне беззаботные птицы.

Обычно, проснувшись, я тут же встаю и подхожу к окну, чтобы насладиться чудесным утренним пейзажем, но сегодня... Сегодня я продолжал лежать в постели. Я был подавлен и жалок. При другом настроении я бы в это время уже летел по улице, спеша на стадион для того, чтобы как следует побегать, размять тело. И вся эта чудесная утренняя процедура, как всегда, доставила бы мне огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие! Потренировавшись, вернулся бы домой и, обливаясь в душе холодной водой, с радостью думал бы о том, что ЖИЗНЬ – ЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РИТМ – УДИВИТЕЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ! Я любовался бы своими сильными и крепкими мышцами, а потом стоял бы у открытого окна и вдыхал чудесный утренний воздух, в каждом вдохе ощущая ПОТРЕСАЮЩИЙ ВКУС ЖИЗНИ!

Так было... вчера.

Что же изменилось сегодня? Отчего так заледенело, заныло, затосковало мое сердце? Отчего погрузилось в омут безразличия? Что в моей жизни «не так», чего недостает? Вроде бы все есть: и семья, и ребенок. Есть и многочисленная родня, и верные товарищи, и цель в жизни. Все есть! Тогда откуда же это тоскливое состояние, терзающее и изматывающее мою душу? Что же я, словно дивана, скручивающийся от любви к Аллаху, «разбиваюсь» на куски и не могу «собрать» себя? И самое страшное во всем этом то, что я не понимаю – чего жаждет моя душа, чем мается, что ищет? И чувствую, что все мои попытки понять это – напрасны.

Мои вопросы подобны старым девам, доживающим свою жизнь без мужа. Как «девы», втайне мучаясь, ходят со склоненной головой, так и они, изводя меня, не позволяют «распрявиться» и получить исчерпывающие и столь необходимые мне ответы. Они яростно атакуют меня, разбивая на куски мою сущность, мое сознание. Мучительное состояние! Такое ощущение, будто ДУША МОЯ старается поведать мне ЧТО-ТО на своем «потанном языке», а я – никудышный – не могу понять ЕЕ. Не могу и... боюсь, и потому воспринимаю ЕЕ сейчас как ворону, которая своим жутким карканьем призывает на мою голову леденящую зимнюю стужу – новые испытания и беды...

Кар – кар – кар...

* * *

У меня прекрасное настроение! Я приторно любезен со всеми окружающими. (Позже, осознав ЭТО, я устыдился, а до ЭТОГО – ходил, безмерно наслаждаясь своим чудесно легким состоянием, как человек, который долгое время не мылся, измучился, а потом – вдруг! – получил возможность искупаться, очиститься!)

По дороге домой я ощущал страстную потребность сказать совершенно посторонним мне людям какие-нибудь хорошие и добрые слова.

Перешагнув порог дома, расцеловал жену и, взяв у нее из рук маленького сына, стал подбрасывать его к потолку. Улыбаясь, жена удивленно спрашивает:

- Что с вами? Почему вы такой веселый? Мы едем в кишлак?

А я чувствую, как мое прекрасное настроение передается и ей.

- Нет! – многозначительно улыбаюсь и я..

- Тогда отчего же вы такой радостный? – переспрашивает она, и в ее голосе сквозят любопытство и нетерпение.

Я полагаю, что ломаться излишне (да и не к лицу мне!) и торжественно объявляю:

- Жена! Я устроился на работу!

И еще раз медленно и четко:

- Я УСТРОИЛСЯ НА РАБОТУ!

Проговорил и тут же почувствовал, как внутри меня будто что-то оборвалось, защемило, и... затихло. Радость моя стала гаснуть...

Я прошел на кухню, открыл окно, за которым уже хозяйничала ночь, и оперся на оконную коробку. В голове моей роились насмешливые и грустные мысли:

- Вот так-так! Получается, причина моей радости, достигающей небес, заключается лишь в том, что Я НАШЕЛ РАБОТУ? В этом причина моего необыкновенного эйфорического состояния? Ну и ну! Хорошо, нашел работу (делов-то!), а доволен, как распоследний грешник, которому Аллах разом отпустил все грехи! Отыскал место,

где ежемесячно будут выделять средства для «наполнения моего желудка», и уже теряю разум от счастья, словно заранее получил путевку в рай! Боже мой! Ну не ничтожны ли мои восторги?

На кухню вошла жена:

- Ах, отец, поздравляю вас! И куда же вы устроились? Хорошая ли работа? А какая зарплата? Ну, расскажите же, расскажите...

Но мне уже не хочется ничего рассказывать. Я отрывочно отвечаю на задаваемые вопросы, страстно желая при этом, чтобы она поскорее вышла, и оставила бы меня одного, прячущего свой грустный взгляд в объятиях ночи...

* * *

Какие только мысли не посещают меня! Моя голова словно караван-сарай, а мои думы похожи на постоянно сменяющих друг друга богатых, осыпанных драгоценностями постояльцев. Какие-то мысли я успеваю запечатлеть на бумаге, какие-то нет, потому что не всегда есть возможность записать их. Они пролетают ослепительными молниями, озаряя своды моей души, или подобно звездам, освещающим ночное небо, мерцают, загораются и гаснут, исчезая в бездонных глубинах бесконечного пространства.

Мысли рождают счастливое состояние души: воскрешая прошлое, они пробуждают и сладкие, и горькие чувства, и, пронизывая мою сущность, снова теряются, тают, исчезают...

Я соткан из мыслей, точнее из грешных и благородных помыслов, определяющих мое бытие. Счастье МЫСЛИТЬ, а значит СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ и есть КРАСОТА, окрыляющая душу. Необъяснимая, неразгаданная сила этой КРАСОТЫ подобна... УЛЫБКЕ, которая вдруг – с последним вздохом – появляется и застывает на губах уходящего из жизни человека (даже если этот человек был несчастен «в миру», и ни одна его мечта не сбылась!).

Потрясающая энергия этой КРАСОТЫ проявляется в безграничных возможностях искусства и литературы! И я благодарен тебе, Боже, за то, что подобная энергия питает и мою сущность, рождая МЫСЛИ, помогающие мне ЖИТЬ и ТВОРИТЬ!

* * *

И снова один только твой вид – повод для моих мучений! Только излив тебе боль своей исстрадавшейся души, я могу найти успокоение? О, чистый лист бумаги! Поистине, ты мой самый верный и преданный друг!

Твой белый лик для меня, как образ возлюбленной! Ты заставляешь трепетать мое бедное сердце. Бывают в моей жизни такие минуты, когда я – бедняга – ощущаю себя совершенно одиноким, никому не нужным, никем не понятым... И только ты всегда рядом со мной! Вот и сейчас ты – единственная отрада для моей измученной души, мой очаг, моя Родина. Ну что ж, тогда выслушай меня. Я вылью в искренних строках все, что накопилось в моем сердце:

Всевышний обрек меня на вечный поиск, вечные сомнения и – как результат – вечное духовное одиночество. Мы, люди, много говорим о возвышенном, справедливом, светлом, любим призывать к добродетели и чистоте помыслов, но на своем ПУТИ я не встретил ни одного человека, который смог бы подняться над гнусными реалиями жизни, смог бы не испачкаться в мыльной и грязной пене нашего суетного бытия. Если присмотреться к сути каждого, то за благородным и красивым «фасадом» обязательно «проявится» гнильца, мерзкая и страшная «рожа».

Боже! Разве я не прав? Зададим простой вопрос: есть ли на свете ИСТИНА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ? Затруднительно ответить однозначно, но что точно на свете есть, так это Истина откровенного насилия Сильных над Слабыми, вседозволенности Сильных и беззащитности Слабых. ТАКАЯ ИСТИНА действительно существует. Все остальное – мираж, омерзительное в своей циничности лицедейство.

Головорезы, «компенсируя» свои преступления, время от времени бросают монеты в чаши нищих. Помолился, бросил нищему «на пропитание» и... очистился, и можно дальше вершить свои грязные дела. А через некоторое время (если того требуют личные интересы!)

можно спокойно перерезать глотку тем же самым нищим, которых недавно щедро одаривал деньгами. Вот она – ИСТИНА нашего мира.

О горе! Этот несовершенный и жестокий мир создал Ты, Боже, и только в Твоей власти изменить его! А я, раб твой, и слаб, и немощен, и сам грешен. Иной раз мне кажется, что без «указания свыше» человек не в состоянии даже потереться как следует.

Ты, Всевышний, повелеваешь и добром и злом в этом мире, но вовсе не так, как категорично утверждают полуграмотные священнослужители и недалекие ученые: «От Бога – совершенство, от человека – бесчестие». Нет, не так! Все – от Бога! Все зависит только от Него!

Боже, я, раб Твой, по мнению недоучек священнослужителей являюсь явным мятежником, поскольку вхожу в категорию «сомневающих». Да, я во многом сомневаюсь, я постоянно ищу ответы на многочисленные вопросы, которые мучают и жгут мою душу, но Я НЕ ДВУЛИЧЕН и Я НЕ ЛИЦЕМЕР! Я знаю, что так же грешен и несовершенен, как многие, но, поднимаясь и падая, я упорно ИЩУ свой ПУТЬ к ИСТИНЕ и СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Следуя Всевышнему, я «все» приемлю и стараюсь быть искренним в оценке этого «всего», стараюсь объективно осмыслить окружающий меня мир и самого себя в этом мире, стараюсь в «своем слове» не прикрывать грязь парчой. И пусть назовут меня «неверным», неискренним, пусть завистники и лицемеры обвинят меня во всех смертных грехах, но я то знаю, что никогда не отрекусь от своих поисков Истины.

И Ты, Всевышний, тоже знаешь это!

* * *

Эй, окружающий меня мир – вот он Я! И я дерзко думаю, что ты не стоишь и мгновения моего волнения, поскольку именно я, Человек, есть Истинная Ценность Вселенной! По сути дела, без МЕНЯ нет и ТЕБЯ! Без меня все твои духовные книги – никому не нужные сказки, разговоры о Боге – чепуха! Что такое Талмуд или Коран без Человека? Ничто. Только проникнув в Его сердце, они обретают

уникальный смысл и значимость.

О, как я разговорился! Пожалуй, достаточно! Да и кому нужна моя искренность и моя правдивость? Кому они принесут пользу? После таких дерзких слов шея, на которую навесят ожерелье из проклятий, будет моей, а головы, которые спрячутся за моей спиной, будут чужими. Мне в спину итак уже тычут религиозные и светские ученые-недоучки. Ну что ж, пусть простят меня, если я в пылу своей ярости случайно разрушил их душевное равновесие. Но... взглянули бы они на себя ЧЕСТНО и так же честно постарались бы ответить лежащему перед ними листу бумаги: неужели я ошибаюсь в своей трактовке значимости Человека в нашем мире? Думаю, что нет.

Я могу от многого отказаться, но не могу отречься от ГОЛОСА СВОЕГО СЕРДЦА. И если уж невозможно откровенно и честно беседовать с окружающими, то... буду изливать душу зарослям камыша! Вот прямо сейчас и начну.

Что же я могу поделать, если для меня самая высокая ценность в этом мире – честно и откровенно беседовать со своим сердцем? И если МИР всеми силами нацеливается на то, чтобы лишить меня этой возможности, то я не приемлю ТАКОГО МИРА! И я не буду льстить этому МИРУ, чтобы показаться лучше, чем я есть на самом деле. И не буду славословить его, утверждая, что все в нем прекрасно и хорошо! Пусть поют ему дифирамбы, вкусившие рая на этой земле! А я независимо ни от чего воскликну:

- О мой Аллах! Мир, созданный Тобой, несовершенен! В нем не установлена Твоя Справедливость. В этом мире я, как и многие другие люди, познал страшную утрату и нестерпимую боль.

Потом преклоню колени и со слезами взмолюсь:

- Прости меня, Всевышний, за мои вечные сомнения, но так уж я устроен. И... я тоже Твое Творение! Во имя моей искренней любви к Тебе прости меня, бесчестного и беспутного, испорченного, как все в этом мире! Подобно другим грешным, я тоже жду и боюсь Твоего справедливого и строгого суда. И сердце мое бьется гулко и тревожно...

Горе мне! Все утомительно: принимать пищу – утомительно, и блевать – утомительно тоже. Господи, за что мне это! Посмотри на

меня, Боже! Вот он я, один из рабов Твоих, пешеход на дороге Твоей, явился к Тебе, дрожа и трепеща, и приволок свою, переполненную грехом сущность. И моей исстрадавшейся душе нужно НЕ НАКАЗАНИЕ, а ЦЕЛЕБНОЕ СРЕДСТВО! Я уже наказан, поскольку нет большего мучения, чем жестокая и бестолковая суета нашего мира – а может быть, это и есть ад? Видимо, да, поскольку человечество само творит этот ад на земле!

Помышляя о месте шаха, визирь всю ночь не смыкает глаз, придумывая новые коварные и подлые интриги.

Сердца двух друзей отравлены завистью и ненавистью, поскольку не в силах перенести успехи друг друга!

Мощное оружие, атомный монстр, созданный гением человека, раскалывает и уничтожает вселенную.

Погибающая природа: заходящее солнце, как рана, брызнувшая кровью; ночь в траурных одеждах, бьющая ножом в спину дня.

Все негативы, несчастья и беды мира – это несмываемые следы убийств, совершенных человечеством в его неутолимой и беспринципной жажде удобной, благоустроенной и сытой жизни! А инстинкт жизни как гвоздь, пробивший подошву в башмаке: прокалывая и рана ногу человека, он мучает его, приковывая к себе все внимание! Ну и что же теперь делать бедному человеку, если нет у него возможности избавиться от этого «гвоздя», тем более что он заложен в него самой природой! Порочный круг.

Ну все, хватит философствовать! Если сейчас откроется дверь и ко мне войдет семнадцатилетняя красавица-пери, то я, по всей видимости, моментально забуду все свои «высокие мысли», все свои проклятия несовершенству этого мира, и начну легко и галантно любезничать с ней.

Вот так, дорогой читатель? Осознаешь ли ты, какова цена СЛОВАМ писателя? Как видишь: каково его настроение, то он и выплескивает на чистый лист бумаги. Понимаешь ли ты теперь, что ни один из шедевров искусства не создан специально для тебя, поскольку каждый на этой земле пьет воду из родника личной заинтересованности! Не признавать этой Истины есть ложь и лицедейство.

Грех правит миром. Вот передо мной, на постели, спит моя красавица жена. А я, несмотря на пробуждающееся желание, не приближаюсь к ней, а с интересом наблюдаю за чужими красавицами, проходящими под окном моего дома, и... тоскую по ним, готовый целовать их следы. Вот такие черти сидят в моей душе! В то же время все окружающие считают меня исключительно добропорядочным человеком, и я не хочу отказываться от такого мнения о себе, поскольку мне, как и многим на этой земле, приятны похвалы.

Все это так – НО! – лживость и лицемерие убивают мою душу, привнося в нее разлад и тягостные мучения. И как же мне жить с этим, Господи?!..

* * *

Недавно мне приснился сон. Сейчас я не смогу точно вспомнить – что именно мне снилось? – но до сих пор живо чувство, с которым я проснулся. А проснулся я, ощущая себя грешником, изгнанным в чужой и суровый мир за какое-то, совершенное мной преступление. И проснулся я с тягостным ощущением, что «мир моего сна» и есть Истинная моя Родина, а реальный мир – лишь место ужасной ссылки, место моего наказания!

Осмысливая это ощущение, прекрасно понимаю, что все это лишь сон – просто сон! - но... почему-то страдаю, тоскую, и душа моя рвется к чему-то далекому, неясному, по-настоящему родному и... потерянному мной.

Хватаюсь за перо и пытаюсь анализировать свое состояние, свои чувства. Разве окружающий мир мне совершенно чужд? Ведь он – моя собственная вселенная, которую я строю уже почти тридцать лет! Здесь мои родители, семья, друзья. Здесь моя любимая работа и... мое творчество, мои произведения, сотканые из личного опыта радостей и бед. Все правильно, все хорошо, но почему же тогда на сердце-то так тяжело? Почему оно мучается и горит желанием вернуться в какой-то другой мир, увиденный во сне?

Нечто тягостное начинает переполнять меня, мне плохо, но я никак не могу выbleвать это отвратительное «нечто». Собственное

состояние ассоциируется у меня с клубком запутанных нитей, и я – как умею! – тяну и тяну эти нити, пытаюсь распутать. А клубок все не уменьшается, будто я и не прикасаюсь к нему вовсе. Но я упрям в своем желании – распутать! – и потому (повторюсь!) подобен человеку, которого мучает тошнота, и он изо всех сил жаждет избавиться от того, чем наполнен его желудок.

Но, может быть, не стоит спешить «с избавлением»? Может быть, моя спешка к «чему-то» равносильна... стремлению к смерти?

Сосредоточиваюсь, беру себя в руки... Уф!.. Кажется, исчезли неприятные ощущения, но после пережитой «тошноты» я подобен неопытному мужчине, который в своей попытке возбудить женщину, потратил все силы на ласки, а когда дело дошло до «главного», уже устал, размяк и оказался «неспособен». Я слишком долго топтался вокруг своих ощущений и, увлекшись поисками нового подхода к их «расшифровке», потерял цель. И сейчас эта «потеря» сидит во мне гвоздем, рождая ощущение того, что... пойманная рыба вдруг выскользнула из рук, оставив незадачливого рыбака в разочаровании и печали.

* * *

Жена моя, немного успокоившись после высказанных мне с жаром и болью горьких слов, подняла сына на руки и вышла на улицу. Причиной «брошенных» мне в лицо обвинений послужило то, что я не смог купить ВЕЩЬ, которую ей очень хотелось иметь. А я остался дома, стараясь успокоиться и... понять свою жену.

Природе человека свойственна жажда обладания все новыми и новыми вещами и стремление хвастать ими перед другими людьми. Приобретенная вещь на какое-то время подавляет в человеке беспокоящие его негативные ощущения, приносит видимость облегчения, уверенности, радости. Я ведь и сам неоднократно ощущал подобное!

Ладно, оставим пока тему вещизма, поскольку это особая тема для разговора. Но вот что меня беспокоит сейчас (и особенно после горячей беседы с женой!) – так это ограниченность моих

материальных возможностей. Малоприятная тема для размышления. Да, я не богат – ничего не поделаешь! Человеку (как он ни старайся, ни бейся, ни крутись!) не дано добиться большего, чем определено ему Богом, который «отмеривает» судьбу всем: и нам, и нашим отцам, и нашим дедам. Здесь не помогут никакие МЕРЫ и никакой РАЗУМ. Можно надеяться только милость Создателя!

Хорошо тому, к кому благоволит судьба, кто получил солидное наследство и вместе с ним – трамплин к достижению заветных желаний! А если нет, что тогда? Тогда вся жизнь – это достойная борьба за достойное выживание. Однако не секрет, что методы «достойной борьбы» в процессе получения «серьезного капитала» срабатывают крайне редко, зато срабатывает другое: нож в спину. Но подобный путь не для меня.

Поделившись мыслями с бумагой, я подошел к окну и выглянул на улицу: до меня донесся шум большого города. Наползала темнота – время, когда вечер расставляет свои коварные сети. Деревья, растущие рядом с моим домом, накинули на плечи разноцветные шелковые халаты и замерли, словно в ожидании чего-то. Подобно стрелам, летящим над полем битвы, пронзительные трели сверчков пронизывали пространство. Я смотрел и слушал... Слушал и смотрел... Беспокойное состояние, связанное с капризами моей жены прошло; я слился душой с прекрасным миром природы за моим окном и ощутил прилив радости.

Внизу, по суетной улице бесконечным потоком движутся машины: спешат, летят, торопятся, резко сигналият, обгоняя друг друга. Вид этого потока почему-то раздражает меня, как... как липкая паутина, по воле бродячего ветерка летящая прямо в лицо. И еще: мне почему-то жаль этот суетливый поток...

Ночью я так и не смог заснуть. Пытался, но меня разбудила тихая «песня» шелестящих в ночи деревьев. Я лежал и долго-долго слушал ее... И понял я в эту бессонную ночь, что все песни, слышанные мною до сегодняшнего дня – ничто в сравнении с шумом рощицы за окном. Я был околдован этим шумом. Из глубины моей зачарованной души вырвалась и понесла меня куда-то стремительная волна моего смятения, моей тоски, моих желаний...

О, если бы я был композитором, то посвятил бы свою жизнь созданию одной единственной песни, и всякий, кто слушал бы ее – слышал бы голоса деревьев, «поющих» в эту ночь за моим окном!

И вдруг захотелось мне создать такую песню, чтобы, сердце забило тревожно и гулко, чтобы, отбросив мелкую суетность повседневных дел, броситься в объятия чудесной роши, слиться с ней, став ЕЕ ПЕСНЕЙ. И преклонив колени пред Аллахом, заплакать и возблагодарить Его за то, что подарил Он нам, смертным, Великую Песнь Природы, в которой заключен смысл всего...

* * *

Сегодня меня в буквальном смысле чуть не стошнило от физиономий некоторых писателей, и я сбежал домой. Мне трудно дышать в затхлой атмосфере, насаждаемой отдельными «деятелями» литературы и искусства, истратившими годы своей жизни на амбициозное самоутверждение, на добывание должностей, почестей, прибылей, живущих в ненависти и зависти, в бесконечном копании ям под ногами друг друга.

Размышляя о подобных «деятелях», я пришел к однозначному выводу: очень важно быть ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! По сути дела, это самое высокое «звание» на земле, но, к сожалению, люди, по-настоящему достойные его встречались мне так же редко, как и счастливые мгновения в моей жизни, и это дало пищу для очередных размышлений.

Я вспомнил одного известного писателя, который, стоя за кафедрой, мог долго и нудно говорить о достоинствах своих «великих произведений», доводя слушателей до температуры плавления. В конце затяжного монолога он всегда с грустью добавлял: «К сожалению, мало кто читает мои книги. Наш народ превращается в животных, у людей нет должного научного и культурного уровня!».

Действительно, уровень решает многое, в том числе, и уровень произведения. Можно сказать, что каждое словесное творение подобно живому организму – дереву, животному, человеку... Оно имеет свои уникальные признаки, свою структуру. И функционирует

оно, как живой организм. С одной стороны, когда читаешь чью-то книгу, то ощущаешь себя так, будто беседуешь с незнакомым тебе человеком и постепенно узнаешь его, открываешь тайны его души. С другой стороны, нельзя же вступать в беседу с кем попало, с первым встречным. Даже имея такую возможность, человек не будет этого делать. Мы сближаемся с людьми выборочно, и, только выбрав, приближаем к себе. У каждого из нас свой вкус, свое представление о зле и добре, о кривде и правде; у каждого свой менталитет. Чужие советы тут впустую. В человеческих симпатиях и антипатиях царит полная демократия: каждый отдает свой голос за того, кто ему действительно по сердцу. В результате, как **ЧИТАТЕЛЬ НАХОДИТ СВОЮ КНИГУ**, так и **КНИГА НАХОДИТ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ**.

Если исходить из этих умозаключений, то становится искренне жаль вышеупомянутого писателя, который всеми правдами и неправдами стремится «быть изданным» и «известным». В условиях нашей рыночной экономики он напоминает торгаша, громко рекламирующего качество продаваемой им жвачки. Ладно, пусть рекламирует, но, если действительно считает себя одаренным писателем, то пусть и выполняет свою работу на совесть, на достойном для серьезной литературы уровне. К сожалению, пока ничего достойного этот «деятель» не создал, поэтому я и не вижу большой разницы между ним и торгашом с рынка.

Эй, братишка или сестренка, неведомо в каком глухом кишлаке взявшиеся за перо! Покачиваясь в колыбели своих фантазий и грез, откройте глаза! Взгляните на мир с реальных позиций! Оцените увиденное объективно и тогда поймете, что многие слишком часто мелькающие на телеэкране, сияющие, как кинозвезды, с обложек своих книг «великие писатели» на самом деле всего лишь амбициозные и самонадеянные крикуны. Поймите, что гораздо лучше и достойнее на этой земле быть просто хорошим человеком, чем бездарным и агрессивным в своей бездарности деятелем искусства! Всмотритесь в истинное обличье этих щеголеватых нищих, любой ценой рвущихся к вершине славы (подчеркиваю: любой!). Их суть – тщеславие, притворяющееся скромностью. Смотрите, юные дарования, и делайте соответствующие выводы! Если жажда творить

действительно горит в вашей душе, тогда будьте писателями, поэтами, художниками – **НО! ХОРОШИМИ, ДОСТОЙНЫМИ, ЧЕСТНЫМИ!** Чтобы стать таковыми, нужно вложить в свое творение душу, нужно суметь привнести в литературу нечто **СВОЕ**, неординарное, неповторимое. И еще: подобно солнцу, которое, появляясь на небе, разрывает завесу мрака, нужно уметь говорить **ПРАВДУ**, разрывая ошейник лжи. Это очень трудно! Но в противном случае вас ожидает печальная участь: превратиться в грязный поток никому не нужной словесной шелухи.

Думайте! Выбирайте!

Порой писатели (в том числе и я!) по многим причинам «наполняют» свои произведения невероятной ложью, пытаюсь очаровать тебя, читатель, своим фальшивым подвижничеством. Не всему верьте! Творческие замыслы рождаются подчас от безысходности положения (например, от бедности, нищеты!). Желая вырваться из этой безысходности, писатель может выдумать что угодно, но подчас скатывается в обычное пустословие, стараясь преподнести его как очередной шедевр...

Да, бедность заставляет подчас (вопреки собственной совести) «торговать словом», «лицемерить словом» в надежде угодить, прославиться и дорваться, наконец, до достойных гонораров.

Бедность не порок, но... и не достоинство.

Это пощечина, которой Аллах отметил лицо своего раба (все равно как меня наградила лысиной). Одни принимают эту «пощечину» как дар, другие – как наказание. Это трудноизлечимая болезнь. Это как приказ: «подставь нагую грудь под летящую в твою сторону пулю!».

Бедность – это палач, ежедневно казнящий тебя.

Бедность – это лекарство, которое ты не смог купить своему умирающему сыну. Это полные надежды глаза твоей беременной жены, пожелавшей дефицитных, дорогих продуктов, и теперь с беспокойством ожидающей твоего возвращения с рынка.

Бедность – это боль, мучение, горе... Оно безысходно в своей непоправимости, совсем как тело, оставшееся в результате несчастного случая без рук и без ног.

Бедность – это пламя, заledenевшее в твоей груди, это несостоявшаяся любовь, обездоленность, обида...

Бедность подобна слепоте: не отпустит того, кого поймает! Это черная кошка, пробегающая между отцом и сыном, или братьями, или супругами...

Бедность – это печаль, стон, крик, одиночество... Пока ты жив, она не оставит тебя в покое. Подобно наемному убийце, получившему большие деньги за твою голову, она крадется, ожидая удобного момента для рокового удара.

Бедность опасна для творца, поскольку может уничтожить его как индивидуальность. Именно нужда заставляет приспособливаться, лгать, торговать своей совестью, а значит, и своим словом. В результате и появляются творения, которые можно назвать «пустословием».

Но даже бедность не преграда для Истинного ТВОРЦА! Она может сковать кандалами его руки и ноги, но не сможет уничтожить величие его сердца и дерзость его разума, а значит и величие, и дерзость его СЛОВА.

Она не сможет препятствовать общению человека с... солнцем.

Она не может помешать СВИДАНИЮ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКОМ, а именно это и есть источник творчества для настоящего писателя.

* * *

Утром, когда по вечно склоненным в молитве вершинам деревьев рассыпались сорок тысяч золотых прядей, сплетенных из солнечных лучей, птицы, захлебываясь от радости, защелкали и разбудили меня. Я вышел на улицу и отправился в ближайший сад, чтобы посидеть на траве. Я люблю сидеть на траве. Когда смотришь снизу вверх на деревья, то они кажутся гигантскими зелеными кинжалами, воткнутыми в голубое лоно неба и случайно забытыми в нем. Ветви качаются, кружатся, сливаются, завораживают... И уже невозможно отделить небо от деревьев, деревьев от птиц, птиц от рассыпающихся солнечных лучей и все это вместе ... от меня. И моя голова тоже

кружится, тело становится легким... Закрыв глаза, я отрешаюсь от всего...

...А когда прихожу в себя, то ощущаю, что душа моя подобна крепкому яблоку, вымытому в прозрачной ледяной воде, – такая она звонкая, чистая, свежая!

Возвращаясь домой, с радостью понимаю, что не пропустил время утренней молитвы, потому что сейчас, здесь, в саду всем существом своим беседовал с Богом...

* * *

Я проснулся и как обычно «прислушался» к самому себе, по привычке анализируя свое состояние. Кажется, на этот раз все в полном порядке: ни грамма усталости, сознание ясное, тело бодрое. Прекрасно! Свое чудесное утреннее настроение я «встретил» так, как встречают любимую девушку – с надеждой, радостью, волнением...

Так... следует непременно воспользоваться таким «возвышенным состоянием» собственной души и тела! В настоящий момент я принадлежу самому себе: я есть Я! Редкое сочетание и редкое счастье! Вот именно, СЧАСТЬЕ, о котором не надо думать, мечтать, тосковать, потому что вот оно – во мне и со мной! В каждом моем вдохе и выдохе!

Записав это, я увидел, что тетрадь закончилась, и швырнул ее в огонь. Потом взял новую и положил на стол.

(О, если бы я так и поступил! Если бы только был способен поступить именно так!..)

* * *

Мне в виде некой аллегории приснилось... совершенно готовое произведение – с глубоким смыслом, продуманной композицией, интригующим сюжетом... Прекрасно! Не надо ломать голову, чтобы СОЧИНЯТЬ. Всего и делов-то – переложил готовый текст, запечатлевшийся в полусонном сознании, на бумагу. И все!

Да, иногда со мной случается такое и, говоря по совести, такой

дар неба радует меня. Приятно сознавать, что мне дано счастье общения с «необычным миром».

Правда, иногда сон, воспринимаемый мною как сюжет, бывает неприятен, тревожен, горек. «Лучше бы мне это не снилось!», - шепчу я тогда сам себе.

Так однажды привиделось мне, что бегу я по полю, а поле это – место жестокой битвы. Кровавое поле! И не счастье людей, мечущихся в этом кровавом побоище! Крики, стоны, леденящий кровь звон мечей. Все смешалось! Безумный страх сдавил мое сердце. Краем глаза вижу, как стрела настигает бегущего рядом со мной человека и вонзается ему прямо между лопаток, прошивая насквозь. Он падает, а я, оглянувшись, вижу, как его утягивают куда-то за веревку, привязанную к смертоносной стреле. Охваченный ужасом, мчусь вперед, не разбирая дороги, и вдруг... чувствую, что начался резкий подъем в гору. В ту же секунду понимаю: мне во что бы то ни стало надо добраться до вершины этой горы! Обязательно надо добраться! Это единственный шанс спасти свою жизнь! В ожесточении хватаюсь за выступы крутого подъема и остервенело лезу вверх. А вокруг меня творится жуткое: многих из тех, кто подобно мне пытался взобраться на гору, зацепили стрелы смерти и утащили в никуда. Сердце мое бешено бьётся, я задыхаюсь... В голове колотится только одна мысль: «Сейчас... вот сейчас настанет и мой черед, и в мою спину вонзится жуткая стрела смерти!».

В то же время, каким-то другим своим сознанием, я понимаю, что все это – ничто, мираж, что всего этого ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! И стрела меня задеть НЕ МОЖЕТ, потому что тогда я... ПРОСНУСЬ!

Понимаю, но... продолжаю метаться в своем странном мучительном сне. Измаявшись, преодолеваю, наконец, тяжелое препятствие и оказываюсь на спасительной вершине! Слава Богу! Но... что я вижу? А вижу я, что оказался на какой-то огромной и ровной, как стол, плоскости! Я теряюсь. Страх сжимает мое сердце, потому что со всех сторон на меня снова кидаются, но уже не люди, а дикие звери. И я снова мечусь между жизнью и смертью и снова бегу, бегу, бегу, бегу...

И вновь передо мной вырастает крутой и тяжелый подъем; и

вновь я взбираюсь по нему и чувствую, вижу, слышу, как несчетное количество людей, ползущих следом за мной, становится кормом для кровожадных хищников. И снова мне удается покорить неприступную вершину! Поднимаюсь, пытаюсь перевести дух, и... тут же падаю от удара лезвия, задевшего мою ногу. И снова с ужасом слышу чей-то топот! И пока этот жуткий звук не достиг апогея, выпрямляюсь и...

И снова вдали, на самом конце поля, вижу очередную вершину. И снова упрямо стремлюсь к ней в надежде остаться живым.

Бегу и чувствую, что силы оставляют меня; бегу и понимаю, что новая вершина не спасение, а лишь продолжение жестокого марафона; бегу и ощущаю дыхание настигающей меня смерти...

О, Всевышний! Разве это не аллегорическое представление о жизни, подаренной Тобой человеку? Бесконечные трудности, страхи, лишения и бесконечная борьба с ними! Преодоление их!

Размышляя о своем сне, я понимаю его так: отвесная стена и вершина лжеспасения – это ночь, а огромная площадь, раскинувшаяся до следующей вершины, – это день, который надо «пройти»... Воины и хищники – это жизненные невзгоды, рвущие мое тело на части. И все эти муки чего ради? Ответ прост: ради пропитания, ради хлеба насущего! Разве не так? Так. Именно так. Вот и мечется от одной вершины к другой моя загнанная жестокими преследователями Душа!

Тяжелый сон... Сон, которому, вероятно, можно найти тысячи истолкований, но... но я ощущаю и понимаю его именно так, как описал, и под этим «подписываюсь».

* * *

Я проснулся, слившись с лунным светом. Плавающие вокруг меня пылинки сплетались, кружились, возникали и таяли, словно переливы музыки, доносившиеся «откуда-то» – может быть, со dna моей души. Мой дух (до того бродивший неведомо где!), подобно покорному слуге, мгновенно возникающему по первому зову хозяина, вернулся в мое брненное тело; сознание мое прояснилось, и я понял, что еще рано, нет, точнее, что еще очень поздно. Взглянув на часы, которые тикали

на стене, посылая окружающему миру стабильную информацию о своем существовании, и, рассмотрев циферблат, я понял, что стрелки подкатывают к часу ночи. Следовало снова погрузиться в сон, и я, крепко смежив веки, изо всех сил постарался заснуть, но... тщетно! Я лежал и злился, и думал о том, что мне рано вставать, что у меня завтра тяжелый рабочий день и потому надо обязательно (обязательно!) уснуть, но... но ничего не получалось. Бессонница победила!

Я лежал, «рассматривая» танец лунных бликов в темноте моей комнаты. Вдруг мне показалось, что прямо из моей груди начал сочиться свет, пробиваясь лучами звезды, рассеивающей завесу тяжелых туч. Этот странный свет «приковал» меня к себе. Теперь все свои силы, напрасно растрачиваемые на попытку «заснуть», я направил на «изучение» удивительного сияния. Непонятного! Пугающего! Рождающего ощущение «зависимости» от него! Чтобы избавиться от этого ощущения, я поднялся и сел. Сияние, слившись с лунными лучами, потянуло меня к окну, и... я тронулся в путь. Оказавшись у раскрытого окна, увидел лампу, сиявшую в самом центре зеленой зоны, расположившейся прямо у моего дома. Это ламповое сияние то тонуло в волнах темной шелестящей листвы парковой рощи, то снова ярко вспыхивало, искажаясь и «танцуя», создавая причудливую игру светотени.

Сердце мое билось тревожно и глухо, в горле застрял непроглатываемый комок. Мне казалось, что лунный свет, смешавшись с «моим светом», расплывается, увеличивается, поглощает и комнату, и меня, и окно, и рощу с «танцующей лампой»...

Внезапно во мне как будто что-то «щелкнуло», и... я перестал ощущать себя! Боже, где я?!..

ПУСТОТА – небытие? Глупости! ПУСТОТА – бытие, но человек чужд ее природе. Точнее ОНА чужда природе человека. Пустота – может пугать, создавая ощущение холода, тоски, одиночества, скуки, но... ОНА же может дать и ощущение свободного полета души! Тогда как ТЕСНОТА, запирающая тебя в ограниченное пространство, забитое нужными и ненужными «вещами» окружающего быта,

убивает этот полет.

Тесная моя лачуга – мой дом – до отказа набита предметами обихода, необходимыми в хозяйстве. Мало места для ходьбы. Глаза устают, и нервы напряжены от скученности вещей, расставленных чуть ли не на каждом шагу. Все это страшно раздражает, и я срываю свое раздражение на близком мне человеке. Этим человеком, естественно, оказывается моя жена. Осмысливая наши ссоры, я, наконец, понимаю: нам не хватает ПРостранства Пустоты, РАССТОЯНИЯ!

Усмехаюсь. Странно устроен человек! То он дико боится пустоты, ассоциирующейся у него с одиночеством, то тоскует по ней, утомленный теснотой жизни. И тем не менее, теперь я твердо знаю: до тех пор пока не будет установлено определенного «РАССТОЯНИЯ» между мной и шкафом, мной и столом, мной и моей женой, мной и моими детьми..., «здание моего бытия» будет непрочным.

Странно, что раньше я не вникал в это, не осознавал особую ценность ПУСТОТЫ, позволяющей (хоть на какое-то время!) быть самим собой. Это было моим маленьким открытием.

С той поры прошло какое-то время, однако стремление к обособленности так и не пропало во мне. Оно зовет меня уединиться, отрешиться от всего мелкого и ненужного, от «тесноты вещей» и... писать, писать, писать...

Я попробовал отказаться от сочинительства, но... потерпел жестокое поражение. Это было равносильно тому, чтобы отказаться от самого себя. Я стал плохо себя чувствовать, стал нервничать и метаться, как раненный в грудь боец, дергаться и изнемогать, как больной, у которого перехватило дыхание. Вот таким было мое состояние.

Я с трудом стал выполнять свои ежедневные обязанности. Меня давила ТЕСНОТА. Мне было плохо на работе, но, приходя домой, я тоже не мог восстановить свои силы. В доме не было тишины и покоя, которого так жаждала моя душа. Сын капризничал и, бывало, плакал все ночи напролет. Беспокойный и резкий визг младенца словно выдергивал из меня душу! Хотелось сбежать, но... бежать

было некуда, и я оставался рядом с ним и со своей женой. Бессонные ночи. Нервы. Ссоры. Мне было очень тяжело, мне нужна была определенная атмосфера для работы, атмосфера творческая и раскрепощенная. Я привык быть свободным в своих желаниях! И вдруг! – я лишился этой возможности! Теперь мои дни и ночи попадали в прямую зависимость от настроения малыша, и... я страшно нервничал и мучился. Если раньше в доме правило мое настроение, то с того момента, как родился сын, – он стал полновластным хозяином в доме. Я же теперь стал похож на собаку, лежащую у порога: бросят хлеб – ем, нет – так и лежу, выпучив глаза. То есть, если сын спит или гуляет, забравшись на ручки к маме, то я имею возможность писать (если, конечно, меня посетит вдохновение – капризное божество!), а если нет – то нет! Вот от этой «неволи» и происходит вся моя раздражительность, потому что нет у меня возможности самому создавать «необходимый климат» в собственном доме! Я все время «на побегушках» у сына и, естественно, у его матери, своей жены. Я живу в ТЕСНОТЕ, которая убивает мою душу!

Боже мой! Что я пишу! С кем конкурирую? С собственным сыном? С родной кровиночкой, которую сам вымолил у Бога!? Делю власть с младенцем?! Маразм.

Невольно в голове всплыл Фрейд, и я тут же подумал, что интересно было бы развить эту тему, осмыслить его «теории» применимо к самому себе.

Потрясенный своими мыслями, занимаюсь самокопанием. После многих вопросов и ответов (честного диалога с самим собой) прихожу к очевидному решению и пытаюсь сформулировать его так: дух обособлен, он жаждет воли и независимости. Его стремление к свободе входит в конфликт с ограничениями и рамками нашего быта и бытия. Именно поэтому человек способен насмерть переругаться с самыми близкими ему людьми и даже навсегда порвать с ними. Дух царит на «неприкосновенном пространстве», на нейтральной территории. Ему нужна особая ПУСТОТА, которую он будет заполнять сам, по собственному желанию и усмотрению, не признавая ничего руководства, никакого насилия. Он проводит черту, за которую не должны переступать ни жена, ни дети, ни

родители, ни близкие, ни друзья... Никто! В противном случае Дух не остановится даже перед тем, чтобы отречься от них – ото всех!

* * *

Эй, сердце! Выплесни все, что в тебе накопело, на этот клочок белой бумаги! Может, этот «клочок», подобно кладбищу, похоронит, поглотит всю твою боль. Эй, голова! «Бейся» об этот «клочок», который может быть твердым, подобно камню! Эй, душа! Ведь не слова, а дыхание свое ты пригвоздила к этому листу!

Сколько бы я ни метался по жизни в поисках «чего-то», я все равно вновь и вновь возвращаюсь к стопке листов на моем письменном столе. Видимо, нет мне иного пути в этой жизни! Видимо, это и есть моя участь – ПИСАТЬ! Значит, надо смириться. Надо «жениться» на этих завораживающих клочках бумаги и верно служить им до конца своих дней.

«А ведь ты болен, тяжело болен, - говорю я сам себе. – И льется из твоей груди, смешавшись с кровью, вечная печаль. Что же тебе все нейдет? Чего не хватает? Неужели только маленький клочок бумаги способен «остановить кровотечение» – утешить твою боль? Неужели только в творчестве твоем успокоение, твое единственное средство от неизлечимой болезни!»

Получается, творчество – это исход, куда бегут от безысходности? Оно – мираж победы, возникающий в сознании несчастного побежденного, задавленного и забитого реалиями жизни. Поэтому тот, кто способен излить свои мысли и чувства на бумаге, неудержимо стремится к этому желанному миру, который сам же и создает. Значит, писать – это бить кинжалом в собственное сердце?

И это стало смыслом моей жизни!

Жажду «ТВОРИТЬ» можно уподобить весеннему небу, затянутому тяжелыми грозowymi тучами. Задыхаясь под этой плотной завесой, небо рвется, вспарываясь молнией, грохочет гром, и с шумом льется проливной дождь. И молния, и гроза, и дождь несут успокоение и очищение природе, освобождают ее от накопившейся энергии.

Подобный процесс происходит и в душе писателя. Когда он ПИШЕТ, то не способен уже ни на что другое! Он не видит и не слышит ничего вокруг себя! И только когда душа его, подобно грозовому небу, освобождается, пролившись благодатными строками, он начинает воспринимать окружающее. Отложив перо, ощущает себя готовым вернуться к сложным реалиям жизни: заработать на кусок хлеба или... или завоевать мир! «Почему бы нет? Если постараюсь, то все получится!», - запальчиво говорит он сам себе, «убрав» ложную скромность. Но тут же понимает: «все получится» у него только на бумаге, только в выдуманном «мире миражей».

Творчество – вечная дорога, которая зовет, манит, волнует, уводит...

Не дает успокоиться!

Куда бы я ни пошел, ни поехал, ни поплыл – нигде не могу причалить, нигде не могу остановиться. Какая-то сила вновь и вновь неудержимо манит меня вдаль – странствовать. И я снова собираюсь в дорогу. И вновь сердце мое трепещет в страстной надежде найти свою заветную мечту! После долгих и тяжелых испытаний я добираюсь, наконец, до намеченного рубежа. Бесконечно славлю Аллаха! Волнуюсь. В глазах моих блестят слезы. В течение какого-то срока я и вправду ощущаю себя человеком, достигшим цели, добившемся своего!

Но... проходит время, и в сердце моем снова возникает трещина. Она разрастается, превращаясь в пропасть. И я вновь маюсь, вновь страдаю и понимаю, что в обязательном порядке должен чем-то «заполнить» эту «пропасть», иначе она... поглотит меня. И снова я отправляюсь в путь, и снова стегаю и стегаю своего коня... А конь этот – моя жизнь – то встает на дыбы, норовя скинуть, то мчится стрелой вперед...

* * *

В сердце мое проник холодный и ясный свет ночи и... разбудил меня. В комнате «дымился» лунный столб, а в моем еще не проснувшемся сознании мельтешила какая-то сумбурная муть. Мир

шелестел, шумел, колыхался, шуршал вместе с могучим деревом, раскачивающимся в такт порывам ветра прямо за моим окном. Луна, раскинувшая над миром золотую паутину, важно демонстрировала свой «профиль», ассоциируясь в моем сознании с гордой поэтессой, позирующей художнику. Любуясь ею, я нашел и другое «возвышенное сравнение»: ночь – прекрасная принцесса, а луна – волшебная птица счастья, присевшая на кончик ее звездной короны.

Вот так и рождается песня, мелодия которой уже звучит внутри меня, в моей душе. Нет, эта мелодия и есть моя душа!

Я встал и выглянул в открытое окно: улица полна сияния. В парке толпятся деревья, шелестят, задумчиво покачивая вершинами, ведут неспешную беседу. Темноту ночи украшают жемчужные нити лунных лучей. Нет пустоты, а есть пространство, заполненное призрачным светом и нежно-ласкающими звуками лиственного шума. Как бы мне хотелось слиться с этой прекрасной ночью и, став лунным лучом, скользить по шелестящим кронам деревьев, обнимать и целовать их...

Я прислушиваюсь к себе, точнее, к мотиву песни, звучащему во мне, мотиву, рожденному красотой волшебной ночи. Я пытаюсь осмыслить свое состояние, и в моем сознании неожиданно рождается слово – ТОСКА... Почему именно это слово? Почему, любуясь миром за моим окном, я томлюсь и страдаю? И – вдруг! – я нахожу ответ, я понимаю: мир природы потрясающе прекрасен и... столь же потрясающе равнодушен. Ко мне равнодушен, к моим мыслям, мечтам, страданиям, переживаниям... Я ему безразличен, я для него не существую.

Осознав это, остро ощущаю полнейшее одиночество среди величественной красоты бархатно-звездной ночи и вздрагиваю от понимания того, что Безразличие (а, возможно, даже Жестокость) являются несомненными составляющими этой Красоты.

Противоречивые мысли начинают терзать мою душу. И тем не менее, несмотря на мои грустные выводы, я точно знаю, что не смогу вырвать из сердца любовь к этому миру. Неважно, что я не существую для него, главное, что он существует для меня, и именно это делает нас с ним единым целым.

Ночь таинственна. Она представляется мне сейчас несравнимой в своей красоте шестнадцатилетней скромной девушкой. Тщетно пытаюсь проникнуть в тайны, хранимые в ее сердце! Она все равно не откроет их. Что ж, Красавица Ночь, будем жить с тобой долгой единой жизнью и, может быть, когда-нибудь я смогу хоть что-то понять в твоих звездных тайнах.

Время шло, таяли минуты и... таяла ночь. Вместе с ней мы входили в розовый рассвет, гасивший и звезды, и лунные лучи. Уже птицы начинали петь свои утренние песни, и тревожил сердце спокойный и величественный голос муэдзина...

Я вернулся в свою уютную постель и, не колеблясь, нырнул... в серебряный сон, продлив, таким образом, сказочное очарование гасящей ночи.

* * *

Иной раз мне кажется, что моя жизнь – это сон. И вроде бы я с любопытством смотрю этот сон, прекрасно понимая, что могу и проснуться, но... не просыпаюсь. И тогда создается такое ощущение, что я смотрю демонстрируемый по телевизору бесконечный сериал. Подчас кажется, что все это «не про меня», что жизнь «героя из сна» никак меня не касается, не затрагивает моих интересов.

Боже мой, как же мне надоела моя жизнь, протекающая словно в тумане! Как я устал от череды агонизирующих дней, заполненных бесконечной суетной погоней за личной выгодой, личным благополучием, личными интересами! Иной раз в сердце рождается ненависть ко всей бестолковой жизненной мишуре, и тогда хочется поскорее «проснуться» – «проснуться» и «забыть» весь этот бессмысленный и нелепый сон!

Однако реальность окружающего отрезвляет меня, утверждая: нет, это не сон, это явь! Это та жизнь, которая дарована тебе, и она пролетает, исчезает, тает... Она пронесется, словно снаряд, выпущенный из дула мощного орудия, и подчас этот «снаряд» вдребезги разбивает твои дерзкие стремления, желания, мечты. Планируешь одно, а в итоге... Получив порцию очередного

разочарования, растерянно озираешься по сторонам, стараясь найти причину своего невезения, анализируешь, мучаешься...

Вот так я и существую, не умея по-настоящему, твердо «опереться» на реалии нашей жизни. Все время «не успеваю» что-то сделать, осмыслить, сказать, а жизнь тем временем проходит... Кажется, только вчера я был ребенком, а сегодня – вон уже мой собственный ребенок сладко сопит в кроватке. Все настолько быстро, что временами я даже сомневаюсь: МОЯ ЛИ ЭТО ЖИЗНЬ? Может быть, НЕ МОЯ? Может быть, я, действительно, сплю и смотрю сон о жизни некого героя N, стараясь наблюдать за ним спокойно и отстраненно? Может быть, именно поэтому временами я совершенно не боюсь смерти, и искренне чувствую себя готовым к тому, чтобы в одно мгновение потерять все, что сумел «скопить» за время своего земного существования? Причем, потерять это «все» без сожаления, легко! И тогда в моей голове рождается вопрос: если все, что так дорого для меня в этой жизни действительно бы принадлежало мне, разве смог бы я относиться к этому «всему» с таким пренебрежением?

Я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос. В минуты подобного осмысления своего земного существования я становлюсь беззащитным, как страна, которую покинули воины, отправившиеся в далекий поход. И тогда я начинаю воспринимать самого себя как бы «со стороны», начинаю копаться в своих «отношениях» с этим миром, начинаю мучиться, страдать, пытаюсь «осмыслить и понять».

Вот в такие «возвышенные» минуты меня и подстерегают неудачи, и я тут же становлюсь похожим на ребенка, потерявшего свою мать. В такой страшной ситуации все помыслы ребенка связаны только с одним – найти маму! – и потому он перестает правильно воспринимать окружающий его мир. Вот так и я провожу добрую половину своей жизни в поисках «потерянной мамы», то есть ответов на свои безответные вопросы. И боюсь, и мечусь, и делаю ошибки, и трачу время, отпущенное мне Всевышним. И тает моя жизнь... И не получается из меня человека, живущего только проблемами этого мира, поскольку я странно воспринимаю его, «этот мир», поскольку часть моей жизни протекает как бы вне его пределов, и мне не всегда интересны его земные проблемы и радости. Я попадаю под власть

своего «героя из сна», а он – в вечных «поисках мамы» – мечется, мучается, скитается, сомневается, ищет...

* * *

До недавнего времени, просыпаясь утром, я всем существом своим ощущал свой «внутренний рост». Я чувствовал, как взрослею, совершенствуюсь, обретаю нужный жизненный опыт. И от этого в сердце моем жила светлая радость. И вдруг, в один миг неприятного озарения, я ощутил совершенно другое: страх и горечь! В этот миг я с ужасом осознал, что, **СОВЕРШЕНСТВУЯСЬ – РАЗРУШАЮСЬ!**

Мною не случайно выделено слово «разрушаюсь», поскольку именно ОНО наиболее точно соответствует определению того процесса, который травмировал мое сознание. Теперь, пробуждаясь ото сна, я чувствую, что где-то в моей душе оборвалась какая-то струна, и сердце мое пусто подобно осиротелому дому. Встаю, смотрюсь в зеркало: вроде бы я все тот же «Я», но душа моя не обманывается внешним сходством. Улучив удобный момент, «опускаюсь на дно своего беспокойства» и ясно вижу (и прихожу от этого в ужас!), что «моя жизнь» не стыкуется с «моей мечтой о моей жизни», что «во мне» и «со мной» что-то не так, потому что я... разрушаюсь.

Последнее время подобные невеселые мысли довольно часто посещают мою бедную голову. Каждый раз, когда они снова и снова настигают меня, я внимательно «всматриваюсь» в них, видя «за ними» свое второе, «разрушающееся Я». В такие минуты у меня невольно возникает ощущение, что «Я совершенствующийся» и «Я разрушающийся» внимательно рассматривают друг друга и чуть ли не справляются о состоянии дел и здоровья. В то же время они ОБА, несомненно, знают, кто из них в конечном итоге одержит победу, кто кого уничтожит. Конечно, это будет мое второе, «разрушающееся Я». Оно мудрее, оно сильнее, за ним стоит непобедимое Время, отсчитывающее срок моей жизни.

Но, несмотря на неравенство сил, мое «совершенствующееся Я» еще достаточно активно, и оно, безусловно, понимает: для того,

чтобы удержаться на коне, следует не бояться, не дрожать, не трястись, а, напротив, если уж РАЗРУШАТЬСЯ, то делать это мужественно и красиво. Более того, запечатлеть сам процесс разрушения, сделав его достоянием литературы и таким образом все превратив... в игру.

Жизнь и есть игра, в которой, практически, все можно поставить на кон. Однако то ли из самолюбия, то ли из осторожности я не тороплюсь быстро и глупо израсходовать отпущенное мне время. В меру своих сил и способностей я препятствую своему «разрушению». В меру своих сил и способностей я шлифую свое «совершенствование».

Но я понимаю и другое: сама ЖИЗНЬ, в ее чистом эквиваленте, несравненно выше и дороже любых «совершенствований», любых желаний, даже таких, как стать Истинным Поэтом или Великим Правителем. Да, я это понимаю.

В результате я не поэт и не правитель. Я – просто – бродяжничаю...

* * *

Литература... Мгновения озарения! Мгновения творчества! В эти мгновения я ощущаю себя вольной птицей, вырвавшейся из клетки и устремившейся к недоступным взору горизонтам. Я лечу, я легко и дерзко парю в заоблачных высях до тех пор, пока крылья мои не устают и дыхание не пресекается, и только тогда, когда чувствую, что вдоволь насладился своими мечтами и фантазиями, осознаю: пора возвращаться в клетку, где есть зерно и вода. Желание «вернуться» зависит только от меня, и оно приходит только в тот момент, когда уже ни моя сущность, ни душа моя не желают больше парить. Это миг усталости и опустошения. «Хватит!» - говорит мне мой внутренний голос, и я с радостью соглашаюсь с ним, потому что получил от полета все, что хотел получить.

Вот такая она – моя творческая жизнь. Слово «литература» и «полет» для меня синонимы. В моменты своего «парения» – я творец, я неповторим и уникален! В любое другое время – ничем не

отличаюсь от толпы: я безлик, я сродни пьяни, валяющейся на улице. В такие минуты моего «безличия» меня спокойно можно запрягать в телегу... вместо лошади.

* * *

Я резко повернулся к своей жене, которая, не переводя дыхание, кричала и ругалась так, что в какую то секунду во мне вспыхнуло страстное желание кинуться к ней, оторвать голову и выбросить к чертовой матери, как незрелую дыню!

С ужасом осознав свое желание, немедленно гашу в себе агрессию и злобу. Господи, и как только такие мысли могут приходиться в мою голову? Ведь я же интеллигентный, воспитанный человек? Неужели до сих пор где-то в глубине нашего сознания живет первобытная сущность, способная на жестокость и зверство? Страшно это осознавать, но – увы! – констатирую это как факт. Именно в такие «неуправляемые» мгновения человек может мгновенно сбросить с себя все, приобретенное им за долгие века своего развития: культуру, просвещенность, духовность... - ВСЕ! - превратившись в клокочущий сгусток ярости и злобы. Получается, за тысячи лет своего «восхождения и совершенствования» человек так по-настоящему и не стал Человеком?

А жена все трещала и трещала, как сорока. А я изо всех сил сдерживал себя, чтобы не распустить руки, и лишь злобно пялился на нее, ощущая отвращение и поражаясь тому, как резко изменилась эта женщина, которая еще недавно была такой красивой, милой, обаятельной... Неужели жестокая мельница нашего проблемного бытия так перемолола ее, превратив в ворчливую и вечно чем-то недовольную эгоистку?

Пытаюсь осмыслить наши отношения и понимаю, что злоба, кипящая в моем сердце, наглядно демонстрирует только одно: я ничуть не лучше своей жены. Но, сознавая негативы своего характера и злясь на себя за это, я в то же время не хочу мириться с негативами ее характера! Я ощущаю, что сейчас мне очень плохо рядом с ней, и с ужасом думаю о том, что уже ничего, ничего нельзя изменить, что я

приговорен жить «со всем этим», что я должен смириться.

Молча, стиснув зубы, слушаю жену, ощущая, как внутри меня бушует страшный ураган. Еще секунда – и «ураган» вырывается наружу, сливаясь с моим криком ужаса, бессилия и отвращения! Пошатываясь, подхожу к двери спальни и, открыв ее ударом кулака, бросаюсь на постель. Господи, как же мне погано! Как ноет и болит мое сердце!

Долго лежу на кровати, ощущая себя совершенно разбитым, понимая, что не в силах ни успокоиться, ни объективно проанализировать ситуацию и прийти к какому-либо выводу. Лежу и нервно верчусь с одного бока на другой, и жалуясь Аллаху и на самого себя, и на свою жену... да и вообще на все человечество, безусловно, заслуживающее наказания Всевышнего.

Прошло несколько дней...

Жену, с которой помирился, и сына, которого я безумно люблю и за которого, не раздумывая, отдам жизнь, отправил в дальние края, в гости к родителям. Осознав, что остался дома один, я вдруг испытал огромное облегчение и искреннюю радость. Но тут же, по давней привычке анализировать собственные чувства, спросил себя: «Как же так? Уехали самые родные мне люди, а я радуюсь, хотя, по сути дела, должен был бы страдать от разлуки с ними?»

Еще и еще раз осмысливаю ситуацию, пытаюсь объяснить истоки своей бурной радости, пьянящей кровь не хуже дорогого вина. Прислушиваюсь к себе, разглядываю сам себя, дегустирую свое состояние и, наконец, где-то в глубине себя «ощущаю» ответ, который из области эмоций в конечном итоге переплавляется в такие слова:

В ГЛАЗАХ ВОЛКА, ПОПАВШЕГО В КАПКАН И ОТ БЕЗЫСХОДНОСТИ ПЕРЕГРЫЗШЕГО СОБСТВЕННУЮ ЛАПУ, ГОРИТ ПЛАМЯ РАДОСТИ, А В ЕГО ВОЕ, ПОЛНОМ СТРАДАНИЯ, ЗВУЧИТ ГИМН СВОБОДЕ, КОТОРАЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

* * *

Прошло более десяти дней с тех пор, как я остался один. Но я до

сих пор не могу окончательно прийти в себя и как следует собраться с мыслями. Так случилось, что жизнь моя резко изменилась после женитьбы и, особенно, после рождения сына. И я живу, не умея смириться с тем, что прежний, привычный для меня баланс между моим душевным миром и миром реальным нарушился, и что перевес явно на стороне «мира реального». У меня больше нет возможности, отстраняясь от всего, улетать в мир сладких грез и фантазий, нет возможности вольно дышать и творить. Нет столь необходимого мне равновесия, а реальность убивает грезы! В результате я, как рыба, выброшенная на берег, бьюсь и задыхаюсь.

Вслушиваюсь в самого себя, в горестный стон своего сердца, и понимаю: Мне необходимо ОДИНОЧЕСТВО! Уже не первый раз я прихожу к этому выводу. Да, мне необходима определенная дистанция не только между мной и моей семьей, но и между мной и всем светом вообще. Только так я смогу вернуть себе утерянное равновесие.

Скульптору необходимо огромное свободное пространство, обеспечивающее возможность вдохновенно ваять, творить. И мне тоже, подобно скульптору, необходимо СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО! Поэтому, посадив на поезд жену и сына и вернувшись в пустую квартиру, я вознес слова искренней благодарности Аллаху. Я был уверен, что разлука заполнит ПУСТОТУ, возникшую между нами, что наступит день, когда я, страшно соскучившись и истосковавшись, сам, как на крыльях, полечу к милым моему сердцу людям. Просто мне иногда надо побыть одному для того, чтобы ощутить себя не просто человеком, но творческой личностью, свободной и раскрепощенной!

Однако после десяти дней разлуки это ощущение так и не пришло. Я брожу как потерянный, ощущая себя то ли нищим, внезапно ставшим королем, то ли, наоборот, королем, внезапно превратившимся в нищего. И я вновь не знаю, что предпринять для того, чтобы вернуть себе столь желанное равновесие.

Каждый вечер, ложась в постель, я, как в добрые старые времена, ставлю будильник на шесть утра и твердо решаю: «Завтра встану пораньше, пробегусь с удовольствием, подышу зимним холодным

воздухом, а потом, бодрый и разгоряченный, искупаюсь под душем, ощущая свое сильное и здоровое тело, поиграю мускулами. Вкусно позавтракав, сяду читать и писать. Затем, в приподнятом настроении, отправлюсь на работу...».

Мечты! Просто мечты! Ничего у меня не происходит «завтра». Даже пронзительный, впивающийся в уши звон будильника не в состоянии сдвинуть меня, пригвожденного к теплой, уютной постели. Проснувшись, я мучаюсь от того, что не нахожу в себе ни сил, ни желания, побороть свою вялость, апатию. Это мерзкое состояние, подобно болезни, укрепилось в моем теле. Валяюсь в кровати и ощущаю себя насекомым, попавшим в прочные, хорошо сплетенные сети жуткого паука, насекомым, обессилевшим от тщетных порывов вырваться из липкой и прочной паутины.

Что же получается? Вот я сейчас вроде бы и одинок и свободен, но почему-то не могу по-настоящему ощутить эту свободу! Нет чувства легкости, радости, парения! Как был в клетке, так в клетке и остался. Что же мне делать? В чем мое спасение? Может быть, я обрету желанную свободу, постигая пути духовного развития и совершенствования? Может быть...

О, Боже, помоги мне в этом!..

* * *

Подспудно человек всегда ждет чуда, ждет и верит, что это чудо – когда-нибудь! – обязательно произойдет. Без этой веры, пусть немного наивной и детской, человек не смог бы вынести всех тягот и мук жизни. Без этой веры он бы просто угас, пропал...

Вера в чудо! Как только она покидает человека, происходит катастрофа, рушится вся его жизнь. Этот страшный удар можно сравнить с болезнью, которая долго сидела и зрела где-то внутри организма, а потом, набрав силу, мгновенно вырвалась наружу, и принесла боль, тоску, страх и угнетенное состояние.

Когда между Человеком и Чудом возникает непреодолимая преграда, то жизнь мгновенно превращается в сплошное мучение, теряет смысл. И тогда Человеку кажется, что зло непобедимо в этом

мире, добро бессильно перед темными и страшными силами, и везде и во всем доминируют мрачные тени и пугающие призраки. Порой, он начинает сомневаться даже в самых дорогих и близких его сердцу людях, поскольку и в них видит причину своих бед и несчастий, своего угнетенного и подавленного состояния. И тогда рождается отчуждение, несущее с собой пустоту, озлобленность, недовольство всем миром. Человек, потерявший веру в чудо, а значит, и веру в самого себя, не способен «пустить» в свое сердце ни родных, ни любимых, ни друзей. В подобные минуты тяжкого душевного состояния он не доверится никому! Даже родной матери! Конечно, он мучается, понимая весь ужас своего ОТЧУЖДЕНИЯ, которое, подобно черной кошке, перебежало его дорогу и... обрекло на страдания и одиночество.

Стараясь выбраться из черного омута своего безверия, человек пытается найти что-нибудь такое, что помогло бы ему снова обрести веру в чудо, а значит, и веру в жизнь, и в самого себя.

Пустота убивает, разрушая надежды. Она проглатывает человека, как жуткое мифическое чудовище. И наступает момент, когда Человек начинает ненавидеть самого себя, ненавидеть за то, что не смог противостоять негативам жизни, сломался, сдался без боя, потеряв веру в чудо. И кажется тогда, что всему в его жизни наступил конец! Горький, страшный и бесславный конец!

Но только начинает Человек гибнуть, мучаясь от осознания своей никчемности и бессилия, как вдруг... приходит спасение – рушится «непреодолимая преграда», и Чудо снова «являет ему свой светлый лик», и жизнь снова наполняется радостью и светом, и дерзкие мечты тревожат сердце, и все начинается сначала...

* * *

Сколько помню себя, я жду помощи не от людей, а от Тебя!
Сколько помню себя, все мои мучения, как и радости, от Тебя!

Вот уже двадцать восемь лет живу я на белом свете – Слава Тебе!
Я похож на путника, который, отправившись в дорогу, четко определил свой «конечный пункт», поставил перед собой

грандиозную цель и теперь изо всех сил стремится достичь ее, преодолевая тысячи трудностей. Прошло двадцать восемь лет, но и намека нет на то, что я достиг своего «пункта». Иной раз мне кажется, что я просто топчусь на месте. Прекрасно знаю, что конечная цель это ПОСТИЖЕНИЕ ТЕБЯ, но я не знаю – КАКОВ ТЫ, КТО ТЫ! Я знаю, что Образ Создателя недоступен человеческому пониманию, и тем не менее, мне, дерзкому, хочется ПРЕДСТАВИТЬ, ПОНЯТЬ и ПОСТИЧЬ! Ведь я – крохотная часть Его Вечной Сущности, и поэтому иногда, в минуты горького отчаяния, с болью взываю к Создателю: «Забери меня! Положи конец моим мучениям!». Может быть, ТАМ, слившись с Бесконечным и Великим, я пойму, наконец, – кто я есть на самом деле, точнее, кем я был на брэнной земле?

Я пытаюсь наполнить свое существование особым смыслом, придумываю себе «грандиозные цели», и, стремясь достичь их, бреду и бреду пересохшей пустыней своего трудного Пути, мучаясь вопросом: «С чем я приду к финалу моей жизни?». Добраться-то до этого «финала» я, безусловно, доберусь, как и любой смертный на этой земле, но смогу ли я сказать о себе, что прожил жизнь достойно, «со смыслом»?

Так, хватит... голова уже трещит от этих дум! И тем не менее (о, Боже!), я все пишу и пишу, торопясь выплеснуть свои мысли на белый лист бумаги и таким образом понять собственную душу в ее жгучей жажде запретного познания. Ведь что я только ни делал и с кем только ни спорил, стараясь найти ответы на свои многочисленные безответные вопросы. Я впадал в крайности, я был и праведником и грешником. Сколько раз нарушал я нормы закона и приличия в угоду собственной страсти и собственному настроению! Я поднимался и падал, и теперь моя душа похожа на решето. И все это происходило и происходит со мной только потому, что я жажду понять и постичь Тебя, Господи! В своих страстных поисках я мечусь, страдаю, совершаю ошибки, грешу и... отдаляюсь от Тебя.

Но, может быть, это не так, может быть, именно благодаря совершенным мною ошибкам и грехам я и понял многое, и многое пережил и, таким образом, напротив, стал ближе к Тебе, Создатель?.. Может быть...

Мне нет дела до людей. Никто из них не смог по-настоящему стать мне ни добрым другом, ни серьезным врагом. Только Твоя помощь нужна мне, только через Тебя откроется для меня Нечто Непостижимое, и я получу, наконец, ответы на мучающие меня вопросы. Только Ты, о, Создатель Вселенной, сложишь в цельную картину мозаику моей мятежной души...

* * *

Я начинаю понимать, что мне необходимо либо много и неустанно трудиться, чтобы претворить в жизнь намеченные мною цели, либо окончательно отказаться от моих дерзких и смелых мечтаний, с детских лет выделявших меня из толпы сверстников. Холодная логика разума говорит мне: «Твои мечты подобны недоступным звездам, не мучай себя, забудь о них!». Но мой упрямый дух твердо отвечает: «Нет!».

Размышления о «споре» духа и разума приводят меня к следующему неутешительному выводу: выходит, что общая панорама моей жизни – это безлика, серая рутина ежедневной заботы о пропитании. По сути дела, я не выкладываюсь в полную силу, чтобы достичь поставленных целей, не стараюсь, как следует. Но и Судьба моя не торопится пересадить меня на ретивого, необъезженного коня удачи и риска. Может быть, в этом проявляется ее милость ко мне. Может быть... но ясно одно: я оказался на перепутье жизненных дорог, на этом перепутье и живу. Я похож на человека, мечтающего покорить вершину исполинской горы, но не имеющего силы выйти даже за ворота своего уютного садика, чтобы начать это дерзкое восхождение. Так и бегут мои дни, похожие друг на друга, дни, складывающиеся из бесконечно повторяющихся проблем и забот. Безликость стала сутью моего существования. Мне стали сниться безликие сны о безликих людях и безликих делах... Все дальше и дальше отдалается от меня мир моих дерзких мечтаний – его заслоняет занавес безликости каждодневной пустой суеты...

Правда, порой мне кажется: нет! я еще смогу сделать НЕЧТО ВЕЛИКОЕ! Я еще смогу ЗАВОЕВАТЬ МИР И БРОСИТЬ ЕГО К

НОГАМ АЛЛАХА! Я еще смогу...

О, Боже! где мечты и где дела, творимые мною?!..

* * *

Человек одинок. Его счастье – хоть на мгновение забыть об этом! Свидание мужчины и женщины – только очередной побег от одиночества, но как только проходит сладость «единения», место человека вновь оказывается на прежнем привале отчуждения и пустоты. Как только стихают страсти, он тут же понимает, что не сумел убежать от самого себя! Точнее, остался наедине с самим собой! Подобные «внутренние» ассоциации «присутствуют» и в наших отношениях с родственниками, друзьями, потому что никого и никогда человек не пустит в подпол своей души. Вот и получается, что даже самые близкие люди, по сути дела, ничего до конца не знают друг о друге и, значит, они все-таки чужие друг другу. Вот почему снова и снова осмысливаешь тот факт, что человеку нелегко прожить жизнь без обиды на весь этот мир, без горького осознания своего одиночества...

Одиночество, иглой вонзившееся в мою душу, – мой единственный спутник на протяжении многих лет. И чем старше я становлюсь, тем сильнее я это ощущаю и тем тяжелее становится на сердце. Никогда еще не был я так подавлен, никогда еще не жил с обостренным ожиданием ЧЕГО-ТО, что ворвется «в меня» и разнесет вдребезги мое одиночество! Но – увы! – пока этого чуда не произошло, и я живу с тяжким грузом, навалившимся на меня, как свора саранчи, пожирающей все на своем пути. Еще никогда не метался я так по тупикам жизни, беспомощно и жалобно бляя, как несмышлениш ягненок, потерявший свою мать. Еще никогда печаль не оседала в моей душе таким толстым и душным слоем пыли, убивая меня! Но самое страшное заключается в том, что я четко и ясно осознаю весь процесс этого жуткого «убиения», происходящего во мне.

Господи, если бы в момент моей острой тоски ворвалась ко мне банда хулиганов, чтобы ограбить меня, я бы благословил их

появление и приветил бы, как дорогих гостей. Я бы вознес благодарность Аллаху за то, что они спасли меня от нестерпимой боли одиночества, и с удовольствием отдал бы им любую вещь, которую бы они пожелали. Но... ни звука не слышно. Никто не ломится в мою дверь. А я сижу и прислушиваюсь, ловя себя на мысли, что похож сейчас на мальчика из кишлака, который, проснувшись, обнаружил, что остался совершенно один в огромном доме. Все ушли на свадьбу, пока он спал, и забыли про него, и теперь он с криком отчаяния и страха мечется по комнатам в поисках своих близких...

Горькие размышления об одиночестве разбередили и горькие мысли о жене и маленьком сыне. Куда они уехали? Почему не приезжают, не пишут? Как так получилось, что между мной и ими образовалась страшная пустота? Ведь еще совсем недавно мы были с женой единым целым, как тело и душа! Почему же теперь это единение исчезло? Всю свою совместную жизнь мы делили с ней и горести, и радости! Горел наш очаг, согревая и сближая нас, и вдруг – погас... И в сердце у меня холодно и пусто, и я погружаюсь в свое одиночество, как в зыбкую трясицу...

Мне нужна помощь! Слышите? Мне нужна помощь! Я не справлюсь один со своим одиночеством, я умру, утонув в мертвой тишине собственного дома, торчащего в самом центре города!..

Не знаю, сколько раз солнце и луна пробежали по небесному лику, преследуя друг друга. Я жил как в трансе, я, как робот, ездил на работу и возвращался назад, в свой пустой дом, четко осознавая только одно: одиночество пожирает меня. И не знаю, чем бы все кончилось, если бы однажды, вернувшись домой после работы, я не увидел, прикрепленную к двери записку. Увидел – и в сердце моем затрепетала надежда!.. Сорвав дрожащими руками бумажный клочок, я прочитал: «Отец, я пошла в садик за нашим малышом. Если Вы вернетесь с работы пораньше, начните крошить морковь, будем готовить плов». Подпись...

И состояние безграничного счастья!

* * *

- Нет! Так не пойдет! Надо все начать сначала! Я еще не проиграл! Я еще бодр, жив и полон энергии! И завтра, с утра, я докажу это всем и, прежде всего, самому себе!

С этими дерзкими мыслями я поставил будильник на шесть часов и улегся в постель...

Будильник трезвонил так беспокойно и громко, как будто пытался предотвратить какую-то неприятность. Проснуться-то от этого трезвона я проснулся, но, как ни старался, не смог оторвать свою «тяжелую» голову от мягкой и уютной подушки. Казалось, тело мое буквально приклеено к кровати. Вспомнились «вечерние» мысли о том, что с утра я всем «докажу!», и тут же погасли. Я даже не захотел сосредотачиваться на них и просто буркнул: «А иди оно все!» – и погрузился в сон...

Когда я снова открыл глаза, в комнате плескался яркий солнечный свет, а с улицы доносился разноголосый шум машин. Я посмотрел на часы – ё-моё! – десятый час! Опять опоздал на работу! Опять придется, стиснув зубы, выслушивать нелестное мнение начальства о моей недисциплинированной персоне...

Господи, ну что мне делать? Как мне избавиться от этого бессмысленного существования? Почему я ощущаю вялость в теле и пустоту в душе? Что же мне, в конце концов, надо от этой жизни? Почему я живу с постоянным ощущением неудовлетворенности и ожидания «чего-то»? Почему моим спутником по жизни стало одиночество? Почему?!

Я не знаю...

* * *

И снова сон... И снова новые ощущения... И изумление...

Во сне прекрасная девушка целовала меня, целовала крепко и страстно, и при этом плакала и тихо шептала слова благодарности... И пока она целовала меня, я, как это ни покажется странным, наблюдал за тем, как она «освобождалась от какого-то великого страдания». Это невозможно описать словами, но я это не просто

чувствовал, я это видел. В этот странный момент я и сам «раздвоился»: одна часть меня хмелела и таяла от страстных и горячих объятий, другая – как бы со стороны и с интересом наблюдала за всей этой пикантной сценой.

И тут я понял, что я знаю эту девушку, что она – из далекой поры моей юности и когда-то была безумно влюблена в меня. О ее чувствах ко мне я знал на протяжении многих лет, но, скажем так, не проявил ответной благосклонности, хотя прекрасно знал, что она искренне любит, и мучается, и надеется... Знал об этом, хотя она никогда не признавалась мне в своей любви.

И вот, наконец, призналась. Но призналась во сне! Возможно, подспудно, на протяжении многих лет я жаждал этого признания, хотя и не сделал сам первого шага. Возможно, именно поэтому мне и приснился столь яркий, необычный сон.

Прильнув ко мне, она целовала и целовала меня, и я столь же страстно отвечал на ее поцелуи. И я глядел на нее и не мог наглядеться! И сердце мое ликовало! И возникло пьянящее ощущение «растворения» друг в друге – ощущение потрясающего счастья! Может быть, именно это и называется слиянием душ, когда рушатся все преграды и все условности! Божественный полет любви!

О, чудесная реальность волшебного сновидения!

Проснувшись, я ощутил страстное желание увидеть эту девушку, встретиться с ней и... целовать ее. Целовать так, как это было во сне...

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МИЛАЯ, ОТЗОВИСЬ!

* * *

Еще мальчиком, лет двенадцати – тринадцати, я впервые услышал эту удивительную печальную песню, и душа моя отозвалась на нее, выплеснулась тяжелыми вздохами, как будто меня коснулось горе. Я по-настоящему страдал, слушая эту песню, и, по всей видимости, боль этого страдания так и осталась в моей душе, затаилась в ней на долгие годы.

Прошло много лет, и совершенно случайно я вновь услышал ту

же печальную песню, и вновь горечью и тоской наполнилась моя душа. Сейчас, когда за плечами годы, когда уже много «пережито и прожито», подобная реакция на песню вполне закономерна, но тогда, в двенадцать лет, как я мог ощутить всю глубину ее тоски? Я был окружен любовью и заботой родителей, братьев, сестер, я не ведал, что такое печаль, и вдруг вот так глубоко не просто понял, но ощутил пронзительную трагичность этой песни. Почему когда-то моя детская душа так отозвалась на нее, что до сих пор память хранит ту тоску и боль? Почему? Не знаю. Не могу ответить на этот вопрос. Может быть, мое детское сердце предчувствовало все те невзгоды, беды и испытания, которые выпадут на мою долю? Может быть...

А может быть, это плачет душа, разлученная с Аллахом?
Не знаю...

* * *

Раньше, лишь только эта женщина возникала в моем воображении, как по телу тут же пробегала сладкая дрожь, и сердце трепетало. И вот... все в прошлом. Но почему так быстро? Почему? Вроде бы еще совсем недавно во мне вспыхивал неистовый огонь, и я раскалялся и плавился, как медь в жерле печи. Неужели это была всего лишь физиологическая страсть мужчины, стремящегося во что бы то ни стало овладеть желанной женщиной? Может быть и так. Ну что ж, в этом ведь нет ничего плохого. Это естественно, это один из самых древних и в то же время самых молодых законов жизни! Так стоит ли тогда удивляться и ужасаться? По всей видимости, нет.

Но тогда почему я с таким удивлением рассматриваю лицо женщины, которая до недавнего времени так властвовала надо мной? Почему ломаю голову над тем, что сегодня, сейчас никак не реагирую на нее...

Анализирую свои ощущения и чувствую, что теперь место прежней безрассудной и сжигающей меня страсти занял интерес к ней как к человеку. Я вижу перед собой просто милую женщину – воплощение слабости, создание, которое является рабыней собственной природы. Моя страсть к ней прошла, и она никогда уже

не сможет больше подчинить себе мою душу. Но остались теплые чувства и интерес нового узнавания.

Я разглядываю ее лицо: почему-то оно напоминает мне особый сорт яблок с красноватыми полосками. Нахожу это сравнение странным и сам удивляюсь этому.

* * *

Знания не уменьшают страданий, а только увеличивают их. «Горе от ума», как сказал когда-то классик.

Я снова мучаюсь...

Мой строптивый, неугомонный дух то тянет меня в полет, в заоблачные выси, то повергает в ад, обрекая на нестерпимые мучения. И тем не менее, я счастлив, что подвержен таким полярным порывам, потому что именно они позволяют мне в полной мере ощутить себя Человеком. Кем бы я был, не будь во мне этой неуспокоенности, этой вечной жажды познаний? Безликим существом с убогими запросами? Нет, это не по мне. Я счастлив, что Всевышний дал мне вкусить и сладость величия, и горечь страданий. Я счастлив, что порой мучаюсь, как нищий бродяга, «заблудившийся» в этой жизни, как безумный дивана...

Я хорошо знаю, что спасение мое не во мне и не в действительности, окружающей меня, а во взаимодействии этих двух уникальных начал.

Я много ошибался, но по мере того, как рос мой жизненный опыт, углублялся и мой анализ жизни, и тогда многие мои ошибки либо таяли, либо утопали в недрах весомых причин...

Я сделал много добрых дел, но, вспоминая сейчас эти «дела» я не вижу в них повода для самовосхваления, поскольку добро человек совершает, прежде всего, ради самого себя, ради своей души. Это то, с чем каждый из нас в свой час встанет перед Всевышним. Так что и хвалиться здесь нечем.

Если внимательно присмотришься к другу, идущему рядом с тобой, заметишь, что его дружба исчезает, как тусклый свет лампочки, растворяющийся во всемогущем сиянии солнца, как капля

в могучей волне океана.

Если внимательно присмотришься к своему врагу, то тоже ощутишь пустоту.

Все ничто. Все преходяще в этом мире.

Подобные мысли порождают много вопросов: Бог наделил меня солнцем в душе на мое счастье или на мою беду? Почему меня все волнует? Почему все мое существо постоянно жаждет сильных эмоциональных встрясок, подобных тем, которые испытываешь, прикасаясь к груди невинной девушки? Почему я рвусь повеситься на столбах этого чувства! Почему я все время жду чуда и высматриваю тропинку к нему среди густых зарослей труднопроходимых джунглей жизни? Почему?..

* * *

Эй, Ты – Тот, кто в последнее время «творит» самые жуткие мгновения моей жизни, когда дыхание перехватывает и кажется: вот-вот и остановится сердце! Кто ТЫ, живущий во мне и находящий спасение и успокоение только в пере и бумаге? Что будешь делать Ты в тот роковой момент, когда и перо не поможет тебе облегчить душу, подавить жестокую боль в сердце? Что?! Ведь для тебя это будет подобно тому, как если бы исчез воздух, которым ты дышишь! И тогда – отлетит твоя душа от брэнного тела. И тогда – это будет смерть. Получается, ты раб пера и бумаги и нет для тебя иного выхода, как только ПИСАТЬ! И если исчезнет этот дар – исчезнешь и ты.

Получается так. Это реалии моей жизни.

Иногда мне кажется, что где-то там, впереди, подобно голодному дракону, лежит и ждет меня какая-то беда. Иначе, отчего на сердце такая муть, такая тоска, такая тревога? Бывают моменты, когда я не решаюсь посмотреть в зеркало (кто же осмелится взглянуть в глаза вселенской печали? да если еще эти глаза так молоды! да к тому же еще и твои собственные!). Мои чувства иссохли, как листья растения, изнывающего без воды в пустыне...

Но вот что самое страшное: иногда подобную печаль я улавливаю

и в глазах собственного сына – годовалого младенца! И вот тогда я, действительно, прихожу в ужас!..

Ладно, мне уже двадцать восемь. Я уже что-то повидал в этой жизни! Она меня уже «поучила»! Уже легла на мои плечи тяжким грузом. Но мой маленький несмышлениш сын, который еще ничего не мог ни повидать, ни испытать?! Откуда в глубине его чистых и невинных глаз тень этой вселенской печали, омрачающей радость жизни?! Откуда? Я не могу понять! Я не могу успокоиться! Порой мне хочется закричать, завопить и, защищая своего младенца, броситься на самого Бога!

Успокоившись, поедом ем себя за столь дерзкие мысли, и, встав на колени, смиренно прошу прощения у Создателя.

Но тревожные мысли все равно остаются.

Когда мама приезжает навестить нас, она всегда «между многих слов» обязательно добавит, обращаясь ко мне и моей жене: «Вы молоды, у вас еще будет много-много сыновей и дочерей!» Такое благословение очень нравится моей супруге. А я молчу. А я не произношу ни звука, словно и не слышу доброго пожелания. И молчу я потому, что боюсь поведать этим женщинам свои тревожные мысли, которые гнетут мой ум и мое сердце. Да если только я выскажу им свои мысли, то они будут для них, как удар палицы по голове! Ни мать, ни жена никогда не поймут меня! А я не смогу объяснить им, что для меня рождение еще одного ребенка – это мучительная ответственность! Это вопрос жизни и смерти! И происходит это потому, что меня обуревают бесконечные сомнения, принимающие форму тревожных мыслей: не явлюсь ли я «причиной» не только зарождения новой жизни, но и «причиной» всех тех будущих мучений, через которые этой «новой жизни» придется пройти, поскольку таков жестокий закон природы, закон нашего земного бытия? Мы думаем, что дали жизнь младенцу, но на самом деле, не подарили ли мы ему тяжкий путь испытаний, печали и уныния? Не «наградили» ли мы его бесконечными заботами о животе своем, круглом, как маленькая дыня? Даря жизнь, не обрекаем ли мы на смерть?

Об какую же стену биться мне головой, чтобы избавиться от

таких жестких и неуютных мыслей, терзающих меня, не дающих мне покоя?

Вот моя мама... Ее пальцы растрескались и покрылись мозолями из-за каждодневных и бесконечных житейских хлопот. Ее руки огрубели, как руки мужчины, добывающего уголь в шахте. Невольно я сравниваю мамины руки со своими, холеными, «городскими», и искренне расстраиваюсь. И лицо моей мамы – все в трещинках бесчисленных морщин – потускнело и состарилось. Ей немногим за пятьдесят, а она уже сгорбилась, как восьмидесятилетняя старушка. Но и это ладно. Мучительный вопрос заключается для меня в том, что получила моя мать взамен своих многочисленных страданий, тягот, волнений? Что видела она в этой жизни кроме вечного труда и вечного недостатка, вечных забот и вечной печали? Может быть, ее счастье в том, что у нее много сыновей? Но даже я – один из самых удачливых из ее детей – не чувствую себя счастливым! Тогда получается, что все счастье моей матушки есть лишь улыбка обманчивого миража?!

Тогда что же такое «быть счастливым»? Не значит ли это быть обманутым и какое-то время жить «в обмане», не ведая об этом?

Не знаю... не знаю... А все, что я знаю, недостаточно для того, чтобы успокоить мою душу, развеять мои сомнения. И я сомневаюсь! Я до сих пор сомневаюсь в том, что знания помогут людям когда-нибудь сделать человека по-настоящему СЧАСТЛИВЫМ, уничтожив НЕСЧАСТЬЕ, заложенное в него самой природой. Нет, я не пессимист и не сторонник нытья и печали, просто я далек от фальшивого и несостоятельного оптимизма...

* * *

...Когда-то, будучи влюбленным, я словно парил в облаках. Любуясь прелестным обликом возлюбленной, я забывал обо всех своих горестях и печалях, я избавлялся от вечно терзающих меня тревог и забот! И если бы потребовалось отдать жизнь за мою любимую – я сделал бы это в ту же секунду, не задумываясь ни на миг! Более того, я был бы счастлив сделать это! И я готов был

кричать о своей любви на весь мир!

А теперь? А теперь я люблю тихо. И никому из возлюбленных не обещаю свою душу. И не витаю в облаках.

Если кто-то из них, глядя мне в глаза и дрожа в экстазе, говорит: «Ты – все, что у меня есть, ты – мой мир и моя душа! Без тебя я никто!», - я с удовольствием слушаю эти слова (никогда не издеваюсь и не смеюсь!), но «про себя» холодно констатирую то, как человек обманывает сам себя, верит в свой обман, счастлив своим обманом. Я научился верить словам – и словам женщин, прежде всего, - но я не препятствую сиюминутному полету счастливого обмана. И раз женщина ощущает себя счастливой со мной в этот миг – пусть так и будет, пусть она искренне верит в свои мечты!

Появлением ребенка – новой Жизни! - человек как бы лепит пощечину Смерти и ощущает иллюзию облегчения, хотя подспудно и осознает свое несомненное бессилие перед Ней.

Сладкий обман! Ребенок пришел в жизнь и... сделал первый шаг к смерти. Это жестокая реальность и ничего нельзя изменить!

Когда-то я был ловким и расторопным малым, влюбчивым и мечтательным. Куда же все это делось? Почему я так жалок сегодня? Нет, не внешне – выгляжу я прекрасно: бодр, свеж, энергичен. А вот «внутри меня» все разрушено, как в стране, пережившей страшную сорокалетнюю войну! Слишком рано я перестал обманываться. Слишком рано я начал объективно, холодно и жестко анализировать окружающую меня жизнь, и теперь не знаю: что кроется для меня в этом даре – счастье или беда? Иногда мне хочется обмануться, хочется забыть обо всем на свете и быть бездумно и безумно счастливым, утопая в сладких мечтах. Но, увы! Я не могу быть таким!

По этой причине я не могу решиться иметь много детей (как мечтают об этом моя мать и моя жена и как это принято у нас в народе). Я до сих пор помню свое состояние в тот момент, когда родился второй сын: я запомнил тот ужас, который прокрался в мою душу и отравил мою радость. Я вдруг четко осознал, что моему младенцу придется жить в несправедливом, равнодушно-жестоким мире, и тогда наша суетная жизнь привиделась мне огромным, миллионноглавым, все пожирающим драконом. Какой же я Человек,

если, «видя этого дракона», я буду вновь и вновь дарить ему живые души, вынужденные вступать с ним в неравный поединок?!..

О, мой друг! Все контраргументы, возникшие в твоей душе, доступны и моему разуму. Я прекрасно знаю, что ислам призывает к многодетности. И я не буду спорить о том, что жизнь человека складывается по воле Божьей.

И тем не менее, мои страдания обоснованы.

Человек всю жизнь живет на распутье: одной ногой он вроде бы твердо стоит в этом брэнном мире, но другой «провисает» над бездонной пропастью небытия. Человек живет: радуется и печалится, любит и ненавидит, творит добрые и злые дела, строит грандиозные дерзкие планы, но в итоге – он все равно приговорен, он все равно исчезнет в черной бездне смерти. И все его сомнения, страдания и страхи оттого, что он никогда не узнает – какова эта «пропасть»? - потому что никто и никогда не возвращался оттуда... Никто и никогда.

* * *

Проснулся, но лежу, не шевелясь. Все тело онемело. Я только что вынырнул из мира моего сна и еще не в состоянии до конца избавиться от его иллюзорных миражей, еще не готов к восприятию реального мира. Но процесс пробуждения идет: тикают часы, отсчитывая секунды, а я начинаю «видеть окружающее»: огромную комнату, свет весеннего солнца, льющегося в мое окно, разные вещи... Сознание мое окончательно прояснилось, уши открылись, и нос ощутил запах цветущего весеннего мира, бурлящего за окном.

С годами я все более и более внимателен ко всему, что окружает меня. Я стал иначе ощущать запахи, воспринимать звуки, цвета и формы. Я стал видеть и замечать то, на что раньше не обращал никакого внимания. Я стал не просто понимать, но ощущать всю красоту того, что воплотилось в слове ЖИЗНЬ...

* * *

Как бы я ни «напрягался» в этой жизни, я все равно чувствую, что, в конце концов, меня ждет поражение! Тогда почему же я вновь и вновь сражаюсь? Почему вновь и вновь надеюсь на победу? Любая победа иллюзорна, ее как бы и нет, и я это прекрасно понимаю, но почему-то, встречая новое утро, снова и снова молюсь о том, чтобы одержать очередную победу, снова и снова рвусь в бой. И – о Боже! - как противоречивы, как напряженны и велики чувства, которые бурлят в моей душе в эти минуты!

Любопытное все-таки существо – человек. Зная, что в конечном итоге все равно будет побежден, и, в свой час, уйдя в землю, станет просто землей, он не только не вешает нос, но, напротив, – постоянно рвется в бой, с азартом игрока добиваясь очередной победы! И я точно такой же! И спрашивается: где же я снова и снова беру для этого силы?

* * *

«Я не могу жить вместе с ней и не могу жить без нее...»

Это слова не только Кафки, это еще и вопль моего собственного сердца! И если бы он не высказал эту мысль, то ее, безусловно, высказал бы я. Ведь вся моя жизнь – это перепутье! Я живу в вечной раздвоенности и не знаю – как мне избавиться от этого состояния! Что же мне делать, несчастному, если сама судьба так определила мой путь, если эта строка стала болью моего сердца, и эта боль напоминает о себе при каждом моем вдохе и выдохе. Ведь я, действительно, не могу жить без тебя и не могу с тобой! И что же мне делать? Мне некому даже излить свою боль, кроме как листу бумаги, кровоточащему, как мое сердце.

ОНА для меня не просто женщина, и, в то же время, именно ЖЕНЩИНА – удивительная и неповторимая! ОНА для меня все, ради чего стоит жить на этой земле! Но – и в этом весь парадокс! – моя безумная страсть к НЕЙ пугает меня, потому что я боюсь потерять свою свободу, потерять самого себя. Порой противоречивость чувств, бурлящих во мне, перехватывает горло, и я начинаю задыхаться так, как будто мне не хватает воздуха.

Я не могу жить без тебя, но не могу и с тобой!

Вечное перепутье – вечная боль! Остается только пожалеть о том, что я родился от матери на свет Божий!

Господи, как я устал от самого себя, от своей трагической раздвоенности, которую невольно переплавляю в поэму!..

* * *

«Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, сынок», - обратилась ко мне моя мама.

Мы купили тебе новые ботинки. Надев их, ты в первый раз отправился в дальний путь – в кишлак. По пути к вокзалу ты все старался вырваться из моих рук, плакал, просил, чтобы тебе разрешили идти самому. Наконец, я опустила тебя на землю, и ты, протянув к небу свои маленькие ладошки, бросился вперед, звонко крича и смеясь и привлекая к себе внимание прохожих. Тогда тебе было всего лишь год и четыре месяца. Не слушая папу и маму, пытавшихся снова взять тебя на руки, ты самостоятельно семенил своими быстрыми резвыми ножками. И вдруг, в этот миг, я увидела в тебе Особую Личность, Особого Человека и ощутила смешанное чувство радости и удивления, и на душе моей стало так хорошо и так светло! И жизнь вдруг обрела для меня новый смысл – и все это благодаря тебе, сынок!

За этот счастливый миг я благодарна судьбе, которая вдруг приласкала меня, «выбросив мою душу с берега страдания на берег радости». Все мои заржавевшие печали и горести разлетелись в прах, и я вознесла славу Аллаху!..

* * *

Я стараюсь обуздать свои страсти и усмирить свое бунтарство. Я говорю себе: «Еще есть время», - и обманываю себя этим, словно ребенка, и успокаиваю свое беспокойное сердце...

Но внутри меня бушует вулкан! И мне хочется крикнуть: придет ли, наконец, тот священный момент, когда я смогу громко сказать

СЛОВО ПРАВДЫ? Когда смогу плюнуть на черные замыслы старой ведьмы – нашей жизни? Когда смогу смело и без оглядок заглянуть в собственную душу и понять, наконец, чего она жаждет, к чему стремится?

Время уходит... Большая часть жизни уже прожита... И здоровье сдает... А я все не могу НАЙТИ САМОГО СЕБЯ! Я влачу и влачу груз каждодневного серого существования, и это убивает меня. Я не хочу быть безликой толпой! Я хочу найти СОБСТВЕННОЕ «Я»! И... не могу сделать этого.

Все смешалось, опошлилось, исказилось... Я ощущаю, что живу в мире лжи... Но тогда почему я не протестую, не бушую, не гремлю цепями, не стараюсь разбудить миры?! Почему?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Ты для меня ВСЕ: моя свобода, мое бытие и небытие – все это Ты! Ты – это то, что придает величие моей жизни! Ты это то, что лишает меня всего, разрушая и обращая в руины! Если я одерживаю победу, то причина тому - Ты! Если я терплю поражение – то и в этом Твоя вина! Сладкие волнения, которые владеют мною в грезах сна – это Ты! Тягостные мучения моей бессонницы – тоже Ты!..

Вот только я не знаю: кто Ты?!..

* * *

Волнение страсти затихает, и сердце, гулко и часто бившее кулаком в стенку моей грудной клетки, тоже потихоньку утихомиривается. Забытые в момент сильного душевного волнения недуги тела и бесконечные заботы начинают снова терзать меня, возвращая в горькую реальность бытия, и я снова начинаю мучиться, переживать, страдать... Я уже не могу уснуть и кручусь с бока на бок так, что начинает ломить все тело. И уже кажется мне, что и глаза мои ввалились, и я стал похож на старика, ищущего по ночам свой сон, и что эта мучительная ночь никогда не разрешится спасительным

рассветом. А рядом тихо сопит моя жена, и я завидую ее спокойному, глубокому сну. Счастливая!

Наконец, понимаю: больше не усну. Встаю и волочусь в другую комнату, в проклятые владения пера и бумаги. Как же мне все это надоело! Как измотала меня моя участь, моя невезучая судьба, поставившая мою жизнь в полную зависимость от карандаша и бумаги! И если завтра опубликуют то, что я сейчас поверяю этой бумаге, то люди будут с наслаждением читать о муках моего сердца. Такова психология основной массы людей, со страстным любопытством «рассматривающих» чью-то боль, чьи-то страдания. Это именно так. Но пишу я не для того, чтобы доставить наслаждение кому-то, описывая свои невзгоды, а для того, чтобы самому не сойти с ума, не умереть от необъяснимой и неизбывной тоски. Я выливаю свои муки на бумагу из чистого инстинкта самосохранения.

Я ПИШУ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!

Бумага и перо для меня – выход из безвыходного положения! Писать – для человека, не знающего, куда себя деть от многочисленных обид, - значит успокаиваться, обретать самого себя. И я пишу... Я бьюсь головой о стену, вырастающую из вороха исписанной мной белой бумаги. Так мне кажется, так я это ощущаю...

Ах, если бы я никогда не писал! Ведь жажда излить свою душу в письме – это как болезнь! Это тяжело. Ведь все, о чем я пишу – это отражение волшебного сна моей жизни, той жизни, которой я не могу жить в реальном мире, но которая живет во мне! И в этом моя мука! Получается, что по-настоящему я живу только в своих записях, только на листе бумаги!

А смог бы я жить и не писать? Быть независимым от своего пера? Был бы я тогда по-настоящему счастлив? Если честно, то не могу даже представить себе такой жизни! Да, я все время мечусь между двух огней, мне все время чего-то недостает, меня постоянно что-то мучит, но ведь это и есть ЖИЗНЬ! Я ставлю перед собой цель и стремлюсь к ней, а, достигнув, все начинаю сначала и снова мучаюсь, страдаю, тоскую, взлетаю и падаю... Вечный поиск истины – вот то зерно, которое в течение всей жизни растет и растет в душе Человека!

И если человек губит в себе этот росток, то можно ли уже считать его Человеком?

«Подожди, подожди, - обратился я к самому себе, – что же это получается? И писать для меня – мука и не писать тоже мука! И страдания мои, как и страдания любого человека, закономерны, в противном случае человек уже не Человек, а просто безликое, серое, бездушно-равнодушное «ничто». Получается, желанный покой и «ровное состояние» счастья ведут к пустоте и духовной смерти?

Господи, прости меня, но до чего же все сложно в этой жизни! Клубок сплошных противоречий! Все, с меня хватит: вот так философствуя, можно окончательно запутаться, потеряв последний «кончик нити». Я и так живу в состоянии вечной неуспокоенности и вечного поиска, а, утонув в неразрешимых противоречиях жизни, можно и вообще сбиться с пути...

* * *

Рев машины, словно желая поглотить меня, все приближался и приближался, наводя ужас... Что-то ярко вспыхнуло в моем сознании, и я «увидел» себя «повисшим» между явью и сном. Мой дух, мое сознание, мой разум – все находилось в состоянии странного оцепенения. Где-то в глубине «застывшего» меня, в невесомых пустотах летала какая-то паутина... Я уже оторвался ото сна, но еще не шагнул в мир реальных. Я провис «между», осознавая это «между» как некую основу, некий корень всех моих страданий, кружащих меня, как щепку в водовороте реки. «Неужели именно это и есть истинное состояние человека? Некая квинтэссенция его сущности?» - холодно сверкая, этот вопрос, словно разящий меч, наполнял страхом мое сердце...

Рев машины нарастал, надвигался, угрожая поглотить, раздавить, уничтожить, и, спасаясь от него, я с усилием вырвался из своего тревожного состояния полусна полубодствования.

Из-за окна доносился гул машин. Брезжило утро, а я, порвав липкую «паутину сна», лежал в своей родной кровати. Из соседней комнаты доносился смех моей жены и сына. Все вставало на свои

места. Я снова был самым собой – «ощутимым» и реальным, со своими заботами и делами, со своими родственниками и друзьями... и искренне порадовался этому. Но в то же время где-то в глубине души остался привкус горечи, затаилось состояние тревоги: все равно, жизнь – это мираж. Все, что кажется таким близким и реальным, на самом деле неуловимо далеко и иллюзорно. Ничего нет постоянного в этой жизни, все преходяще... Я ощутил вкус невесомого «между». Я СУЩЕСТВОВАЛ В ЭТОМ «МЕЖДУ»! К сожалению ли, или к счастью – не знаю...

* * *

По мере того, как я взрослею, я и приобретаю, и теряю. Приобрел я то, что научился отличать «белое» от «черного», хорошее от плохого. А потери мои в том, что в сложном водовороте нашей очень непростой жизни иной раз и не знаешь, как применить эти знания, чтобы не потерять в себе Человека.

Бог судья всем нам! Но иногда он кажется бесконечно далеким, и я снова и снова задыхаюсь от нанесенных мне несправедливых обид. И я начинаю искать целебное средство от своей боли не в бездонных и далеких небесах, а ближе, на Земле, среди людей... у людей... Даже ты, моя любовь – некогда лекарство от всех моих горестей и печалей – даже ты куда-то запропастилась! Что же со мной произошло, что ты покинула меня? А ведь без любви холодно жить на свете. Нет, ты вроде бы и есть, но уже не окрыляешь мою душу надеждой! Почему? Неужели я так изменился, что уже не стою тебя? Ведь было же время, когда один только взгляд прекрасных глаз «переворачивал» в моей душе «все миры», и я, окрыленный, парил небесах, подобный вольным птицам. За тебя, моя любовь, я готов был ринуться в бой, сметая любого противника! И, самое главное, я не только чувствовал себя победителем – я побеждал! Я верил в свои силы! И жизнь моя казалась мне прекрасной и вечной! И не было страха перед смертью, потому что я жил, благословляя и жизнь и смерть. Я был словно стрела, неуклонно летящая к своей Великой Цели. Я был...

Почему же все в прошедшем времени? Печально...

* * *

Жизнь моя – мост, связующий мое тело, живущее только в реальном мире, и мою душу – крохотную часть незримого, но ВЕЛИКОГО ВСЕЛЕНСКОГО НЕЧТО. Не отсюда ли моя вечная «раздвоенность» и моя вечная тоска?!

Эта мысль, точнее, ощущение внутреннего дуализма, каждый раз является для меня причиной новых и новых вспышек сложных и противоречивых размышлений, тяжелых и смутных переживаний. Осмысление себя одновременно «смертного и бесконечного» – кружит голову, пьянит, дурманит не хуже водки или анаши, поскольку именно в результате подобного «парения мыслей» во мне и пробуждается «НЕЧТО», дремавшее доселе глубоко в подсознании, и это «НЕЧТО» выхватывает меня из грубого реального мира и, отрывая от всех бесконечно-бессмысленных забот и дел, уносит далеко-далеко, в свои недоступные человеческому разуму просторы.

Вот так произошло и сейчас: я «провалился» в промежуток между «сознанием» и пугающе-меняющим «миражом», я застрял в этом «между», один, без помощи и без опоры. Один конец моста, связующий меня с реальным миром, отделился, растворился и исчез. Даже самые близкие мне люди – моя жена и мой сын, – находящиеся где-то рядом, только смутно присутствовали в моем сознании, постепенно отдаляясь и тая в каких-то минувших эпохах, становясь частью полузабытого сна. Создавалось такое ощущение, что перед моими глазами натянули плотный занавес, и этот «занавес» отсек меня от мира, частью которого я был, в котором присутствовал, жил, существовал... А «дорога», ведущая меня к другому концу моста, была закрыта тем таинственно-белым занавесом, за которым я не ощущал ничего, кроме полного и абсолютного отрицания моего прежнего, «реального» мира.

Подобное состояние для меня не ново. Я переживал его сотни раз и каждый раз – в различных формах. И каждый раз я жаждал проникнуть в его глубины и – наконец! – познать Великую Тайну Мироздания! Но, увы!... Видимо, это не дано простому смертному, и

мне остается только просить и просить Аллаха ниспослать мне эту милость!

В то же время в моей голове мелькает мысль: если тайна мироздания будет раскрыта, то ведь я и на нее стану смотреть «безразличием» и тут же буду вновь жаждать нового познания, стремиться к новым неведомым мирам. Так уж устроен человек...

* * *

- Человек одинок! - сказал я одной из женщин, любимых мною.

- Не согласна! – тут же ответила она.

- Свидание – это вечный бег от одиночества, жажда избавления от него хотя бы на какое-то время, – продолжал я развивать свою мысль. – Но, в результате, – снова разлука, снова одиночество, снова мучения, печаль, тоска, обиды, то есть все то, что имеет в нашей жизни начало, но, к сожалению, не имеет конца, и мы...

- Ерунда! - оборвала она меня. – Полная ерунда! Мои дети – вот моя защита от одиночества! А кроме них, у меня есть родители, родственники, подруги, друзья. Я не одинока! - качнула она головой, и, как бы уверяя саму себя, еще раз с нажимом повторила, - Я НЕ ОДИНОКА!

- У меня тоже есть все те, кого перечислила ты! Я тоже очень люблю и своих родных, и своих друзей. Ради них я готов на многое – на все, если это необходимо. Но – понимаешь ли? – в глубине моего сердца нет чувства полного единства, полной гармонии и общности с ними. Нет! Где-то там, в глубине души, я все равно один. Я одинок! Понимаешь ли ты это?! - вновь с болью переспросил я. – И я думаю, что именно так воспринимают себя многие, очень многие люди на земле. И не в этом ли таится трагедия человека?!

Человек сам приходит в этот мир и сам покидает его, в полном одиночестве. Перед лицом Судьбы мы все одиноки... - и неужели ты не ощущаешь этого? - напрягся я.

Но женщина, не вслушиваясь в мои слова, тараторила свое, отстаивая личное мнение:

- Я не подвластна таким чувствам! Во мне преобладает чувство

единства, общности, а не одиночества! Странные у тебя мысли!

- Ну почему же «странные»? - не сдавался я, - только Встреча может уберечь человека от пронизывающего ветра одиночества: свидание с любимой, беседа с другом... Я – пустыня, я лежу пересохший. А ты – капелька дождя, упавшая с лазурного неба! И эта капелька оживляет пустыню! И она покрывается буйной зеленью и расцветает. Пусть не надолго, но расцветает! В подобном единении людей друг с другом – вся радость жизни!

Когда я вглядываюсь в твое лицо, целую и ласкаю тебя, то ликую, как нищий, неожиданно ставший принцем. В этот момент я не одинок! Это спасает душу!

Женщина долго и пристально смотрела мне в глаза, а потом сказала:

- Я вижу в тебе Силу. На тебя можно опереться и при этом ничего не бояться. Ты заполняешь брешь, которая возникает иной раз между мной и моими близкими. Но только иной раз! Поэтому время от времени я и прихожу к тебе. Вот и все...

...Мы еще встречались с ней какое-то время и не раз беседовали на эту тему, однако каждый так и остался при своем... Затем все кончилось, как все кончается на этой земле. Мы расстались: ее закрутили семейные заботы, а я снова провалился в бездну своей беспокойной души, в бездну, где нет никого, кроме меня...

* * *

И наступил такой день, когда у меня из рук вон плохо пошли дела.

- Тысячи проклятий его родителям! - ругался я.

Кого я подразумевал под местоимением «его»? Кого ругал? Что в этот момент имел в виду: свое неудачливую судьбу или свой удел? – не знаю.

Но мне было плохо. Мне было очень плохо, и я был очень зол! В такие паршивые минуты я прыгаю и дергаюсь, как курица, у которой горит под лапками. Вернувшись домой, выпроваживаю жену и сына на улицу. «Погуляйте часок!» - довольно резко говорю я им и с

треском захлопываю за ними дверь...

Надо же такому случиться, чтобы из десяти запланированных мною дел, ни одно не реализовалось! Ни одно! Пришел, наконец, тот караван, которого я ждал с таким нетерпением! – но пришел... пустым! Его разграбили по дороге – и теперь получается, что я остался ни с чем! И кому рассказать об этом? Богу? Да ведь я итак только и делаю, что либо прошу Его о чем-то, либо жалуюсь Ему на кого-то! Можно подумать, что у Создателя других дел нет, кроме меня!

Так, вероятно, стоит успокоиться и подумать. Хорошо подумать. Возможно, во всей этой негативной ситуации есть положительный момент, есть благо. Может быть, я слишком разгорячен, чтобы реально и объективно осмыслить свои дела? Может быть, стоит проявить терпение? Разве не люблю я повторять чью-то философскую мысль: «Терпеливый человек – великий человек!».

Повторять-то люблю, вот только обмануть самого себя подобным философствованием не получается. В голову лезут другие мысли – жесткие в своей реальной оценке действительности: я опростоволосился! я допустил ошибку! я упустил наличные! Вот это реально! Это факт.

Да и есть ли на этой земле люди, которые согласились бы внимать пространным и заумным нравоучениям, вместо того, чтобы ощутить реальную прибыль в кармане? Может быть, и есть, но тогда они – святые. Я не святой, и я не могу найти себе места оттого, что, просчитавшись, потерял все – и мечту, и надежду, и покой... Все! Поставил цель и не достиг ее. Это меня угнетает! И я в сотый раз прокручиваю в голове все допущенные мною ошибки и просчеты, и, кажется, уже сам кручусь обезумевшим вихрем...

Именно в эти минуты я начинаю «влезать в другие шкуры», примерять к себе «другие жизни». До сих пор я не особо задумывался над тем, почему некоторые ради клочка земли или ради копеечной суммы денег готовы дойти до поножовщины? Почему одни ради достижения чего-нибудь страстно желаемого старательно роют яму другим? Почему умные и образованные люди, все знающие и все понимающие, тем не менее, не могут отказаться от недолговечных

радостей преходящего мира и идут на все, чтобы заполучить эти «радости»? Почему?

Вот – мое состояние в настоящий момент и есть ответ на эти вопросы! Я понял, что независимо от того, какую форму – духовную или материальную – имели мои рухнувшие планы, мое «я» должно было проявиться именно в их исполнении, через их реализацию. Вот это самое главное! И я всем существом своим осознал, что любая ценность, которую жаждешь заполучить и которую жалко отдать другому, это уже кусочек самого себя, своей личности.

Оставим пока в стороне такие «высокие материи», как Родина или отчий дом. Ради защиты этих «материй», человек готов на все, даже на смерть! В этом случае ценность приобретают другие категории.

Поговорим о другом. Скажем так: некто отправился в далекие края, с целью заработать деньги, чтобы обеспечить себе и своей семье нормальное существование в этом мире. Там, в этом чужом краю, он ложился спать, где придется, как собака, питался кое-как, много и тяжело трудился, но в один прекрасный день проснулся господином. Он преодолел тысячи препятствий, работал, не покладая рук, и, наконец, получил плату за свой труд... Разве можно подобные деньги назвать простыми бумажками? Разве можно с легкостью отказаться от них, или, ради сомнительной славы встать в позу и, поработав на публику, продемонстрировать свою независимость от мира материальных ценностей? Нет! Сотни и тысячи раз нет!!! Ведь эти деньги – являются ТЕМ, что получено взамен определенной части жизни Человека. В них – его труд, его талант, его здоровье, его радость и боль, надежда и отчаяние! Поэтому, подобные деньги, человек не может отдать с легкостью, бездумно, и ему страшно горько потерять их! Горько, когда многое вложено, а караван приходит пустым, вот как получилось у меня.

Я мечусь по комнате, я осмысливаю свое положение, я разматываю клубок своих просчетов и стараюсь найти правильное решение – выход из создавшегося положения. Попутно (и как бы «со стороны») я анализирую причины своего раздражения, своих горьких обид. От мыслей, роящихся в моей голове, я весь горю, ноги мои кружат и кружат меня по комнате, постепенно утомляя тело, но боль

моя все еще прищпоривает меня, как грубый всадник своего коня...

Я успокоюсь, все перемелется, но заноза боли останется...

Память умеет многое хранить...

Вот, внезапно мне вспомнился мой первый сын, который умер в больнице. Его состояние было очень тяжелым. Врач вручил мне список лекарств. Когда я подсчитал их стоимость, то понял, что никогда не держал в руках подобной суммы денег. Но мне надо было где-то достать эти деньги! Достать, во что бы то ни стало! Я побежал к одному из своих родственников. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами: после традиционного приветствия, мой язык перестал слушаться меня и никак не желал «просить»! Пошатываясь, я взглядывался в глаза человека, к которому пришел за деньгами, и никак не мог заставить себя выговорить свою просьбу.

- Да что же я делаю!? Там, в больнице умирает мой сын, ему нужна срочная помощь, а я тут деликатничаю, веду пустые разговоры. Это же подло! – проносилось в моем затуманенном сознании. В конце концов, пересилив себя, свою гордость, я попросил, и лицо мое в этот момент стало красным, как раскаленный уголь. Ожидание ответа растянулось для меня в вечность.

Родственник дал денег, но отдавал, с явным сожалением, мучаясь...

Теперь я понимаю его мучения. Это были деньги, которые он заработал, которые были нужны его семье. В этих деньгах для него как раз и было и его здоровье, и его труд, и его планы, и его мечты... Пожалуй, в тот момент он страдал почти так же сильно, как и я.

Позже, когда я выплачивал ему долг, то – и я до сих пор помню это! - радовался так, словно возвращал ему не деньги, а жизнь.

А мой сын... Мой маленький сын все равно умер...

* * *

Боже мой, снова я у ног Твоих! Снова я пришел с молитвой к Тебе, отодвинув прочь все свои бесчисленные заботы! Скажи мне, Боже, кто я: последний дурак или некий избранный в этом мире? Почему я не могу жить размеренно и спокойно? Почему не могу

заниматься какой-нибудь одной определенной работой? Почему не могу идти – не оглядываясь, не задумываясь – по одному избранному пути, как это делают многие? Почему я все время мучаюсь, сомневаюсь, чего-то ищущу, к чему-то стремлюсь и никогда не бываю до конца удовлетворен самим собой и своей жизнью? Бывают моменты, когда я в одно и то же время оказываюсь «в разных состояниях». Вот я всеильный шах и – в ту же секунду! – убогий нищий? Почему голова моя, коснувшись подушки, не может спокойно отключиться от забот этого мира и подарить желанный покой и сон телу? Почему иной раз я до самого утра верчусь в своей постели, ощущая себя столь несчастным, будто исчезло, сгорело, испарилось все, чем бесконечно дорожил в этой жизни? А если и засну, то мое тревожное Беспокойство переселяется и в мой сон и там вновь безжалостно мучает меня. Оно вдруг становится ноющим, печальным и неприятным напевом, исполняемым высоким, пронзительно-раздражающим голосом. Я стараюсь «выключить» этот напев, избавиться от него, но... все бесполезно, и он упорно сверлит и сверлит мою голову, и мое сердце.

Боже мой, скажи мне, что значит «быть живым»? Неужели это состояние обязательно должно включать в себя муки и страдания? Неужели для человечества нет иного пути? Но ведь он должен быть! И, верно, он есть. Я это чувствую, значит, он, действительно, существует! Но где? ГДЕ?

В соседней комнате – совсем рядом и в то же время очень далеко от меня – сладко посапывая, спит моя жена. А я не сплю. Я встал на колени, чтобы вознести молитву тебе, Господи! И я не знаю, кто из нас двоих счастливее сейчас: я, бодрствующий и молящийся Тебе, или она, спокойно спящая и не забывающая свою голову «лишними мыслями». Иногда я искренне завидую ей! Иногда ужасаюсь тому, что могу быть таким же, как она! Вечная раздвоенность, вечная тревога, вечная жажда чего-то непостижимого, но такого желанного... Вот и не сплю ночами, устремив свои покрасневшие от бессонницы глаза к окну, вот и сетую то на слишком долгую ночь, выматывающую меня, то на слишком скорый рассвет, не позволивший выспаться и отдохнуть...

Я – как вода – вечно текущая субстанция. И, видимо, не от меня зависит – куда течь: направо или налево, вперед или вспять. Я прокладываю новые дороги, оставляя позади старые. Я то медленно и величественно плыву, раскинувшись на вольном просторе, то неистово мчусь куда-то, покрываясь белыми бурунами, то застываю, превращаясь в болото. И так бесконечно!

А иной раз у меня возникает другое сравнение, и я вижу себя загнанным зверем, над головой которого то и дело свистит разящий клинок охотника, и зверь кидается из стороны в сторону в надежде спасти свою жизнь...

А может быть, лучше и не метаться, а подставить свою голову под этот сверкающий беспощадный меч?..

* * *

Я долго сидел и работал. Наконец, когда мысли мои стали путаться и спотыкаться, как ноги уставшего путника, я встал из-за стола.

Выйдя в другую комнату, я увидел свою жену, которая сидела за столом и с удовольствием лузгала семечки. Мне вдруг захотелось «поиграть» с ней и таким образом расслабиться, восстановить свои силы. Я сел рядом с супругой и... начал шутливо заигрывать с ней, ожидая нужной мне ответной реакции и уже заранее приговорившись к «приятному». Но жена, удивленно взглянув на меня, проговорила с ехидством в голосе: «Да идите вы, ей Богу! Если бы кто-нибудь увидел ваши выходки, то однозначно сказал бы, что сейчас вы похожи на круглого идиота. То ходите с отсутствующим видом, никого и ничего не замечая, витая в своих облаках, то вдруг ни с того, ни с сего лезете обниматься... Хорошо, что никто, кроме меня, не знает вас настоящего...».

И вышла из комнаты.

Ладно, жена не приняла мою игру, попробую по-другому развлечь себя. Я взял мяч своего сына и стал развлекаться с ним, подавая с головы на грудь, с груди – на колени и пальцы ног. Работал с мячом, стараясь не уронить его на пол. Потом растянулся на полу и с

наслаждением продолжал игру, перекатывая мяч из одной руки в другую.

- Интересно, - думал я, развлекаясь, - ну и какая разница между мной – солидным человеком, ответственным работником, серьезным и строгим мужем и отцом – и мной, дурашливо пристающим к собственной жене или беззаботно играющим в мяч? В какой момент я – настоящий? В какой момент мои мысли, действия и поступки действительно искренни, действительно продиктованы сердцем, а в какой момент – просто игра, просто привычка волочиться на веревке ответственности и долга?

* * *

Я лежу один на поляне, стараясь «упереться» ногами прямо в грудь неба. Сознание мое бунтует, но внутри меня пусто, как в заброшенном доме...

Я не понимаю: зачем жить? Ведь все нелепо, все бессмысленно! В конечном итоге, все на этой земле, - и хорошее и плохое – обратится в прах, но тогда получается, что нет никакой разницы между правдой и ложью, добром и злом, набожностью и безбожием... потому что ВСЕ ПУСТОЕ!

Я страшно раздражен. Я обижен на весь этот мир! Так, может быть, и все мои крамольные мысли – плод моей обиды? Результат печального вывода по поводу того, что многое не состоялось в моей жизни?

Я перебираю в памяти свое прошлое. Боже, какие у меня были мечты, и сколько их было! И, казалось, что все они легко осуществимы! Но вот прошли годы – и что? Исполнилась ли по настоящему хоть одна мечта?

- Молчишь? – обращаюсь я к самому себе. – Молчишь, потому что жалок твой счет. Потому что «внутри тебя» закуפורилось и прокисло все то, что когда-то было ПРЕКРАСНЫМ ПОЛЕТОМ МЫСЛЕЙ, а теперь это «было» просто гниет в тебе, источая страшную вонь. Ты ведь и сейчас не только не хочешь вспоминать о дерзких планах своей чистой и светлой юности, но желаешь вырвать

их из своей памяти, как корни сорняка. Однако нет у тебя такой возможности, поскольку эти мечты, как повилика, сплелись с тобой, стали частью тебя. Понимая это, что же ты ведешь себя, как женщина, вымещающая свою злобу на битье посуды? Кому ты мстишь за свою боль, рождаемую несостоявшимися желаниями? Небу? А ведь когда-то все твои мечты были связаны именно с небом, которое манило тебя, зачаровывало, давало пищу твоему воображению. И ты был так счастлив в эти мгновения! Ты ощущал себя величественным, нужным и значимым.

Ну и куда же это все делось?

Ты столкнулся с жестоким чудовищем, которое называется РЕАЛЬНОСТЬЮ, и – все: колени твои задрожали, сердце затрепетало от страха, и ты сник. И с тех пор не любишь небо – пространство твоих мечтаний?

Нет, небо тут ни при чем. Тебе стоит заглянуть в самого себя, разобраться с самим собой и честно признаться в том, что ты боишься кого-то в самом себе и потому сочиняешь чепуховые сказки, занимаясь самообманом. Так что, дорогой мой, не стоит попирать ногами небо, а стоит наступить на «лицо» собственного бессилия и страха, чтобы изгнать из себя беса ненависти, зависти и злобы! Чтобы со временем не обратиться самому в беса ненависти, зависти и злобы и не принести в заклание ему ни родных, ни жену, ни детей. Для этой борьбы с самим собой человеку нужны недюжинные силы.

Я найду их в себе эти силы, я смогу вырвать ядовитые зубы своего беса.

* * *

СОБЫТИЯ... Они ПРОИСХОДЯТ, они ПРИХОДЯТ и УХОДЯТ одно за другим, выкладывая причудливую мозаику моей жизни. Осмысливая эту «мозаику», я не испытываю ни радости, ни грусти. Более того, в моей душе рождается ощущение неприкаянности, и я начинаю чувствовать себя всадником, упустившим из рук поводья. Мой лихой конь – нагромождение событий – несется вскачь, как ему Бог на душу положит: куда хочет и как хочет! А я, ничего не

предпринимая, трясусь в седле, и лишь разглядываю мелькающий пейзаж, при этом одновременно (и как бы со стороны) наблюдая и за самим собой.

Но однажды проснулось мое самолюбие и раздраженно спросило: получается, ты – никто? Ты бестолковый всадник, теряющийся в пыли происходящих событий? Ты – не центр процесса, более того, не с тебя этот процесс начинался, и не тобой будет завершаться, поскольку ты просто приложение к предписанным именно тебе тем или иным жизненным событиям. Ты маленькое и бессильное «нечто» в колоссальном водовороте космической реки жизни. Марионетка!

По всей видимости, так оно и есть, потому что иной раз я буквально физически ощущаю, как меня крутят и вертят СОБЫТИЯ и как сам я не в силах противостоять их натиску.

С определенного момента я начал воспринимать СОБЫТИЕ, как живое существо, которое бесконечно сильнее меня. Я искренне радовался, когда удавалось сделать что-то, запланированное именно мной! Я ощущал этот момент как свою личную победу! Однако чаще я был слаб и беспомощен перед силою Событий. Я не мог достаточно крепко держать в руках поводья и направлять своего коня по нужному мне пути и, хоть и старался контролировать его бег, но – увы! – чаще всего он несся вперед по своей собственной воле и сам выбирал ту или иную дорогу.

Эта скачка продолжается и по сей день. Иногда я бездумно подчиняюсь ей, иногда в душе моей вспыхивает страстное желание самому (и только самому!) управлять своим скакуном – своей жизнью.

Однако это желание – нереальностью исполнения – только рождает в душе моей новые мучения и новые безответные вопросы...

* * *

Жестокая истина, колючкой вонзившаяся в память, колется, царапается, режет, принося боль.

Я вновь не могу уснуть и вновь почти всю ночь верчусь в своей постели. Несколько раз порываюсь встать, чтобы уйти в другую

комнату и почитать книгу или поработать за своим письменным столом, но... не делаю этого, продолжая беспокойно вертеться с боку на бок. Наконец, измучившись, все-таки встаю и, взглянув на жену, с искренним удивлением понимаю: она тоже не спит!

Жена поймала мой удивленный взгляд, но никак не прореагировала на него. Странно! Обычно, ее крепкий и безмятежный сон был «предметом» зависти моих бессонных ночей. И я всегда искренне считал, что ей не дано маяться душой так, как это присуще мне! Так что же произошло? Неужели и ее мучают мысли, подобные моим, и до утра не дают сомкнуть глаз?

Склонившись над женой и глядя ей в глаза, я тихо спрашиваю:

- Что с тобой?

Спокойным и каким-то потухшим голосом она шепчет:

- Бесплезно! Все бесплезно...

- Что бесплезно? Что с тобой случилось?

- Ах, оставьте меня...

- Говори!

- Я не люблю вас...

- Ты шутишь?!

- Нет, не шучу. И вы тоже не любите меня.

На какой-то момент я немею, переваривая услышанное. Затем вновь задаю вопрос:

- Почему ты решила, что мы не любим друг друга?

- Вы думаете о других женщинах и желаете их! (и с иронией в голосе) Разве это не так? Но... (и в голосе уже яд) и я думаю о других мужчинах и тоже желаю их. (с горечью) Разве это можно назвать любовью?

- Что?!..

- ...

Не ответив, жена отвернулась от меня и закрыла глаза.

Ничего себе утренний диалог! Что-то во всем этом не так! И в нашем разговоре тоже что-то не так... А может быть, не так и во всей нашей жизни? Что я проглядел? Что упустил?

Так, я должен хорошо, очень хорошо все обдумать...

Я не стал продолжать этот напряженный диалог, потому что

понял: в этот момент что-то – очень важное и для меня и для моей жены – просто висит на волоске! А я не хочу обрывать этот волосок. И потому промолчу. Да мне сейчас и нечего сказать! И в сердце, и в голове – хаос!

В эту минуту в соседней комнате заплакал ребенок. Жена тут же встала и пошла к нему. А я пошел в спальню к старшему сыну, посмотреть: не сползло ли с него одеяло? Потом потихоньку вышел в прихожую и зажег свет. Несколько мух, противно жужжа, тут же стали летать по комнате.

- И откуда только они взялись? – ворчу я и со злостью хлопаю их свернутой в трубку газетой.

Сейчас все равно, чем заниматься, только не думать о... пока не думать...

* * *

Мне уже почти тридцать, а я – глупец, наивный романтик, все еще живу, ожидая чуда. Почему-то до сих пор ощущаю себя молодым парнишкой, у которого все радости жизни еще впереди, все настоящее и стоящее еще в будущем! И почему я живу именно так? Ведь я очень люблю реальную, «живую жизнь», но почему-то с большим удовольствием удаляюсь от нее в мир своих фантазий и грез. Там, в этом выдуманном многоцветно-ярком мире, я строю свою жизнь-мечту, нет, точнее, я проживаю сотни жизней в разных вариантах – и мне это очень нравится!

А может быть, так и должно быть? Может быть, «уровень человечности» в человеке как раз и измеряется его способностью мечтать, создавая потрясающие миры в собственном воображении? Может быть, только человек с дерзкой фантазией способен переосмыслить и изменить реальный мир, способствуя его дальнейшему развитию? По всей видимости, именно так оно и есть: человеческая индивидуальность проявляется в дерзких мечтах, которые потом претворяются в жизнь, и значит – уметь фантазировать – это дар Божий, это то, что дано людям одаренным и духотворенным, то есть, далеко не каждому.

* * *

Ну, все, хватит! Мечты мечтами, но пока мои ноги совершенно не оторвались от грешной земли, следует собраться, сосредоточиться и рассказать о своей беде. Рассказать просто, не углубляясь в излишние подробности и не утомляя ни себя, ни читателей.

А все дело вот в чем: как бы я ни старался, сколько бы я ни работал, не покладая рук, я так и не смог четко «проложить курс» своей жизни. Какие только планы я ни строил, что только ни предпринимал, какие только надежды ни лелеял – все напрасно. В результате – только разочарования, мучения и страдания.

Решился махнуть на все рукой и... жить как живется, плыть по течению, не задумываясь («День прошел и, слава Богу, завтра новый настает»), – не получилось. В душе тут же поселилось скребущее чувство собственной безликости, никчемности, серости, чувство, ранящее мое самомнение, задевающее мои амбиции. Тогда я понял: жизнь-пустышка уничтожит меня как личность. Это не для меня. Копаясь в самом себе, понял и другое: «внутри» моего смирения и моей скромности живет высокомерие и даже зазнайство, а «под ними» вновь ютятся скромность, простота и даже застенчивость. Я осознал, что, по сути дела, приговорен к бесконечной смене этих своих «полярных качеств», что и сам не знаю, с какой стороны проявлю себя в тот или иной момент своей жизни? Получается, какое-то малоприятное двуличие, а точнее, даже «многоличие». Вот это и есть моя беда: анализируя собственную жизнь, прийти к выводу, что все проблемы гнездятся во мне самом! «Приятное» открытие, нечего сказать!

Ладно, но какое отношение все это имеет к тому, что я пишу? Зачем я так откровенно рассказываю о себе самом, о негативах своего характера? Не знаю... Возможно, где-то отыщутся родственные души, которые ощущают в себе те же «мучительные противоречия», что и я, и они поймут меня, и подспудно, мне будет от этого легче.

Чувства-печали-проблемы человека – неотъемлемые составляющие его души, беспокоящие, тревожащие, лежащие, как

бревно, «поперек дороги». Вот и меня они мучат так, что я не могу не писать об этом, не могу переключиться на что-то другое, потому что бесконечно спотыкаюсь об это «бревно». Я пишу. Я, как могу, откровенно рассказываю о своих проблемах и таким образом избавляюсь от мучительного, неприкаянного, тревожного и тягостного состояния. Возможно, ради этого и пишу... И потом, я – дитя своего времени, я – продукт своего времени, и потому все мои метания и сомнения есть своего рода характеристика нашего времени, маленькая часть его духовного составляющего. Разве не так?

Более того, в моих мыслях, как искры, проскальзывает опыт миллионов моих предков, тысячелетиями живших на земле. Получается, я – «маленький фрагмент» Великого Духа, живущего в пространствах вечности, я – один из его вестников! Значит, я – частица не только своего времени, но и ВРЕМЕНИ ВООБЩЕ. Во всяком случае, я так ощущаю себя, и именно это ощущение заставляют меня снова и снова браться за перо. И когда я остаюсь наедине с белым листом бумаги, я забываю и о своих бесконечных житейских проблемах, и о хлебе насущном, и о... я забываю обо всем, я – ПИШУ! – и именно в эти мгновения по-настоящему ощущаю себя Человеком!

Творчество для меня столь же священно, как и молитва!

* * *

Ты давно уже понял и осознал, что ты – стрела, выпущенная по чьей-то воле и из чьего-то лука. Ты это признал. Это было причиной твоих страданий, твоего гнева и бунта, но... все равно ведь пришлось покориться судьбе, потому что иного не дано.

До тридцати тебе остался один шаг – один год, однако звон тревожных колоколов уже гудит в твоём сердце, уже тревожит твою душу. Не рано ли? Вроде бы еще достаточно силен и крепок телом, но... внимательному глазу (твоему собственному глазу!) уже заметны первые признаки наступающей старости. Все быстро в этой жизни!

Горький монолог, обращенный к самому себе.

Боже мой! Кажется, только вчера я жил в сказочном мире

ДЕТСТВА! Только вчера ОНО баловало, ласкало и качало меня на своих коленях. И вот... уже ощутимо дыхание СТАРОСТИ. Становится жутко от осмысления ЭТОГО, от буквально физического ощущения быстротечности времени. До чего же коротко расстояние между ДЕТСТВОМ и СТАРОСТЬЮ! Всего лишь – моя жизнь. Я сам и есть это «расстояние».

Эти мысли порой выбивают меня из колеи. Получается, что все мои стремления, мечты, планы – все пустое! Все переживания, страдания, мучительное достижение целей – тоже пустое! Все самообман. Но если подвести такую черту под осмыслением жизни, тогда и жить не надо!

Нет, эти мысли надо гнать от себя, надо ЖИТЬ – значит работать, желать и добиваться исполнения своих желаний. Человеку ДАНА ЖИЗНЬ, значит, в том, как он ее проживет, и заложен главный смысл его пребывания в этом мире.

Так я взбадриваю самого себя, но... благородное волнение пройдет, и ремень решительности снова спадет с моего пояса. И снова мою бедную голову будут мучить бесконечные сомнения, а душу – терзать страх перед неумолимым бегом времени. В такие сложные минуты душевной апатии я откладываю многие свои дела «на завтра», а по истечении времени понимаю, что уже просто опоздал с этими «делами» и уже никогда не исполню задуманного, и это значит, что я не реализовал себя и уже никогда (в каком-то плане) не реализую. И это печально.

Есть нечто в жизни человека, к чему нет возврата, что навсегда становится добычей недостигаемого прошлого....

* * *

Этот человек так страшно разозлил меня, что я даже не заметил, как я подлетел к нему и с треском врезал кулаком по его физиономии! А когда он упал, я еще порывался избить его ногами! Злоба и ненависть так и клокотали во мне! Это было как умопомрачение!

В последнюю секунду я с трудом взял себя в руки. Моя негативная реакция на этого человека была так яростна и сильна и так

мгновенна, как вспышка нестерпимого света, слепящего глаза.

Сдержав себя, я тут же подумал о том, что если бы не сумел в данной ситуации проконтролировать свой поступок, то, по всей видимости, просто убил бы этого человека, запинал бы его до смерти, и тем самым искалечил бы собственную судьбу. За подобные проступки можно попасть в тюрьму, и тогда жизнь потекла бы совершенно по другому руслу. Однако я сумел сдержаться, и был благодарен сам себе за это.

Подобные ситуации в моей жизни были не раз, и я всегда (спасибо Всевышнему!) умел «услышать» голос своего разума, сдерживающего мои эмоции, и вовремя изменить ситуацию, спасая, таким образом, себя от непоправимой беды.

Все-таки слова о том, что «человек творит себя сам», имеют под собой серьезное основание, и контроль своих эмоций – одно из таких «оснований».

* * *

Опять сон пропал. Опять я маюсь в крепких объятиях своих беспокойных и тревожных мыслей.

Оглядывая свою жизнь, не могу сказать, что по-настоящему счастлив, что всем удовлетворен. Нет, конечно. У меня полно проблем – семья, дети, работа, разумное стремление к обеспеченной жизни и многое другое. Все это стоит сил, нервов, здоровья...

Но у меня есть и другое - есть ТЫ, с которой я (хоть на какое-то время!) могу забыть обо всех своих многочисленных проблемах! А у тебя есть я, и мы оба ценим это. Я думаю, что наша встреча не случайна, что это своего рода дар небес, дар, несущий истинную радость незабываемо сладких мгновений.

На свете много красивых женщин, до которых никогда не дотянется моя рука, да мне это и не надо, потому что у меня есть ТЫ – чудесный «островок» счастья между Бытием и Небытием. Ты превращаешь мою жизнь, текущую без тебя, в ненужную ветошь. Всматриваясь в твои огненные глаза, я отчетливо вижу сверкающий меч судьбы, занесенный надо мной, – и я смиренно склоняю голову

перед этим мечом. Минуты, проведенные с тобой – это прекрасная поэзия моей жизни! Только с тобой я забываю о том, что такое ОДИНОЧЕСТВО! Только с тобой я и гибну и воскресаю! И это потрясающе сладостно и прекрасно!

* * *

Что бы со мной ни происходило, Ты властитель моей жизни и судьбы, о Боже! Твои Зерна заложены в мою душу! Зерна проклевываются, поднимаются колосьями, растут, и вместе с ними расту и я, расту и в физическом и в духовном смысле. Это и неоспоримо и... спорно. Это рождает вопрос: Боже, кто Я? Некая безликая сущность, находящаяся в полной власти Твоих священных «зерен», или все-таки независимый разум, которому дано право отделять зерна от плевел?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Осень уже давно наступила, но я, влюбленный в нее, почему-то не взялся за перо. Почему? Не знаю. И время у меня вроде бы было, и интересные мысли, но... отчего-то не доверил я эти мысли бумаге. Может быть, это происходит потому, что я уже не ощущаю в себе того особого накала чувств, который еще так недавно будоражил мою кровь, или потому, что мои эмоции, перегруженные бесконечными житейскими заботами, притупились и поблекли. Может быть... Не могу сейчас честно ответить на этот вопрос, но точно знаю одно: я стал более сдержанным и спокойным.

Я изменился. Еще совсем недавно голова моя шла кругом от любви, и я совершенно искренне готов был на все ради очередной возлюбленной! А сегодня смотрю на свои любовные страдания, метания, переживания... с откровенной иронией. В то же время эта ирония вселяет в меня тревогу. Человек должен гореть в любви! Именно это чувство дает ему и физические и духовные силы! Именно оно окрыляет, а пресыщенность жизнью и безразличие – это как

вирус неизлечимой болезни. И это уже и опасно и страшно!

Действие этого «вируса» я ощущаю на себе, потому что мне (с моими резкими перепадами в настроении) опять тоскливо. В такие моменты я ощущаю себя жалким и беспомощным, подобно больному, который знает, что не сегодня-завтра умрет. А между тем вроде бы и нет причины для грусти. Стоит прекрасная погода. Осень прощается со мной, а на пороге уже маячит зима. Однако в моем благословенном краю нет еще ни холода, ни слякоти, ни серых унылых туч, напротив: ласковое и почти весеннее солнышко заглядывает в окна, наполняя комнаты своим уютным сиянием. Мне есть, чем заняться, мне есть куда пойти. И, тем не менее, я вновь попал в сети великой печали. И, зная себя, я понимаю, что не смогу просто отмахнуться от нее. Не получится. Я должен заглянуть ей в глаза, я должен до конца «перестрадать» ею, потому что только так обрету желанную свободу.

Боже мой, ну почему я не могу быть, как все? Почему мне недостаточно просто пить, есть, тонуть в повседневных бытовых заботах и... смиренно ждать смерти. Почему в моей душе горит желание сделать что-то такое, что разрушило бы представление о границах человеческих возможностей! Но я не знаю, с какой стороны подойти к осуществлению этого желания! Иной раз мне кажется, что я не способен ни на что, кроме как марать бумагу, выплескивая на нее ураган своих мыслей и страстей.

Может быть, стоит быть мужественным и признать все свои дерзкие мечты пустым бредом? Может быть, стоит отмахнуться от всех своих фантазий и жить как «все». Но ведь тогда я просто исчезну. Я перестану существовать, как личность. Это «как все» для меня смерти подобно – и ничего мне с этим не поделать!

Я смотрю на деловых людей: кто-то из них занят бизнесом, кто-то политикой... Реалии мира их «хлеб», они не мучают себя бесполезными с точки зрения карьеры и накопления капитала, вопросами. Все у них четко и ясно. Формула жизни – это счет в банке. Они уверены, что творят будущее.

А я?!

А я живу в вечных сомнениях, опутанный бесконечными жгучими вопросами, на которые не могу найти достойных ответов. Моя

жизненная энергия затрачивается на самоисследование и самоистязание, на неудовлетворенность и, как следствие, душевную неуспокоенность и страдания.

Честно говоря, иной раз я искренне завидую тем, кто «просто живет», не напрягая извилин в своей голове, не истязая себе никаким «духовным кризисом».

Но только «иной раз»!

Чаще мне, мне просто жаль тех, кто никогда не задавал себе жгучих вопросов, не мучился ночами от бессонницы, не страдал оттого, что не может постичь всю сложность нашего мироздания, с его таинственными категориями жизни и смерти. По сути дела, в моем понимании, это несчастные, забытые Богом люди, потому что им **МНОГОГО НЕ ДАНО!**

* * *

Иной раз я подобен несчастному бездомному псу, которого безжалостно треплет и гонит злодейка судьба. Кажется, еще совсем недавно я был озорным непоседой-малышом, избалованным любовью своих родителей, а сегодня уже мой сын сидит и играет у меня на коленях.

Вроде бы только вчера был молодым, веселым и беззаботным пацаном, а сегодня уже привыкаю к тому, что подростки называют меня «дядей». Поначалу это и коробило, и злило, и раздражало, но – жизнь не обманешь! – значит, пришел срок, и я уже выгляжу «дядей».

Вот так все быстро!

Только вчера, обдавая жаром своей огненной пасти, горело и плавилось наше знойное азиатское лето, а сегодня в воздухе тает, напоенное запахом прелой листвы, прохладное дыхание осени...

Только вчера мое сердце горело страстным желанием бросить все и уехать в далекие-далекие края, а сегодня я хочу только одного: быть единым целым со своей родиной и никогда не покидать ее.

Только вчера я мог часами смотреть в глаза своей возлюбленной, не спать ночами, бредить ею, посвящать ей стихи и писать ее портреты, а сегодня – увы! – нет волшебной перы, по которой бы я

сходил с ума, сегодня я думаю о красивых женщинах «вообще», без щемящего трепета в груди.

Только вчера я был уверен в том, что, как только вырасту, исцелю потрескавшиеся от тяжелой работы руки своей матери, а сегодня понимаю, что эти руки еще больше «трескаются» и грубеют, служа мне, ее любимому сыну.

Только вчера я рвался завоевать весь мир, а сегодня таю, исчезаю, гибну в его всепожирающем жерле...

Только вчера я думал, что эта жизнь год за годом, месяц за месяцем, день за днем будет приближать меня к Создателю, а сегодня чувствую, что чем дольше живу, тем больше грешу, и значит, тем сильнее отдаляюсь от Него...

Только вчера я был готов душу отдать за друга, а сегодня с горечью констатирую, что не осталось у меня истинных друзей – верных, независтливых, искренних, открытых сердцем – так что, получается, не за кого отдавать душу...

Только вчера быть писателем казалось мне самым великим делом на земле, а сегодня я хватаюсь за перо и бумагу и делаю это только потому, что не хватает мне смелости и мужества схватиться за петлю и всунуть в нее свою голову, и разом оборвать все свои страдания...

Только вчера, видя порочный мир, я клялся, что «все в нем исправлю», а сегодня – повзрослев – извелся, не умея уберечь от порока не то что «весь мир», но даже самого себя...

Только вчера я твердо знал, что буду делать, чем займусь, куда пойду, какой из бесчисленных «путей» выберу, чтобы достичь своей цели, а сегодня мечусь по бездорожью своей жизненной пустыни и бесконечно молю Бога то об одной милости, то о другой...

Кажется, что только вчера я вышел из кишлака, оставив дом своих родителей, а сегодня понимаю: уже «прошло время», уже «набежали» месяцы и годы воспоминаний.

Сколько воды утекло! Сколько страданий претерпели сердца моих драгоценных, любимых родителей! Велика тоска их по сыну, покинувшему дом в поисках своей судьбы! А часто ли я навещал их? Раньше – да, а теперь все реже и реже, потому что все время ДЕЛА. А разве могут сравниться какие бы то ни было дела с любовью твоих

близких и, прежде всего, отца и матери! Нет, конечно, и тем не менее, эти дела закручивают меня, съедая мое время, и я просто тону в каких-то незначительных, проходящих мелочах.

Люди, словно воины, поражаемые стрелами судьбы, один за другим покидают поле битвы – наш бранный мир. Разглядывая фотографии, с горечью констатирую тот факт, что некоторых друзей, с которыми стою на снимке – улыбающийся, в обнимку – уже нет. Стрела смерти не пожалела молодых ребят, которым бы жить да жить, и... нет никакой гарантии, что она пожалеет меня.

Конечно, можно подойти к этим грустным фактам с другой стороны: все мы – временные жители этого мира и вечные жители «мира иного». Может быть, и не стоит до такой степени цепляться за эту жизнь, а стоит просто осознать ее, как путь к определенной цели.

Так, стоп, приятель! – обратился я к самому себе. Так можно дофилософствоваться черт знает до чего. Повесь-ка ты лучше замок на рот, чтобы не завраться и не начать молоть чепуху. Живи, но не просто живи, а анализируй свое «бытие», чтобы знать, ради чего живешь, на что тратишь отпущенное тебе судьбой драгоценное время.

* * *

Уже давно никому не пишу писем... И ни от кого не жду писем...

И мечты мои перегорели и потеряли свой розовый цвет... И весна теперь не будет врываться в мою жизнь, как раньше. И осень будет прощаться со мной иначе. И если раньше смена времен года таила в себе много-много радостей, то теперь все вокруг имеет для меня привкус горечи и сожаления...

* * *

Когда я был ребенком, я с восторгом смотрел на старших, а теперь, когда я вижу устремленные на меня детские глаза, искрящиеся светлой радостью, мне хочется обнять этих малышек и... долго-долго плакать.

Когда-то ЦЕЛЬ, ярким факелом пылающая где-то там впереди,

манила меня к себе и придавала смысл моей жизни, а сегодня пепел моих бесконечных неудач, проблем и невзгод щиплет и застилает глаза. Теперь я даже не знаю: куда мне идти и что делать? Словно потерявший свою кыблу мусульманин, я озираюсь по сторонам, в поисках смысла своей жизни...

* * *

... Я всего лишь старался написать о том, «как оно все есть», и только теперь понял, что написать об этом – за пределами моих возможностей. Не может человек быть беспредельно откровенным, вот и я не всегда осмеливался честно и до конца «раскрыть себя», излив все свои мысли на бумаге. У каждого человека есть такой «подпол души», куда он никого и никогда не пустит. Если с полным откровением анализировать все свои чувства и поступки, то можно «сломать» стержень собственной индивидуальности и в результате – потерять самого себя. Осознав это, я прикусил язык. Видимо, творчество – это та же игра: возможно, кто-нибудь, раскрывая перед читателем тайники своей души, пойдет дальше меня и большего достигнет. Возможно... Однако я уверен: никто не будет откровенным до конца, поскольку это противоречит самой психологии человека. Обязательно останется «нечто» недосказанное, «нечто», определяющее дистанцию между тем, кто изливает душу, и тем, кто слушает.

* * *

Я проснулся, бодрый и радостный, и подошел к полуоткрытому окну. Тишина, красота и торжественность ночи очаровали меня... Свет полной и яркой луны, подобно волшебной «крышке», накрыл весь мир, как бы охраняя и защищая его. А для меня сейчас в центре всего мироздания было огромное Дерево, с мощным стволом и густой кроной, – важная особа, разбудившая меня среди ночи! Это Дерево я часто вижу во сне. Почему ты мне снишься? – это я Дереву. Оно тяжело качнуло пышной кроной, зашелестело, зашептало, как будто

желая рассказать мне чем-то, поведать какую-то тайну. Я внимательно вслушивался в этот таинственный, тревожащий мою душу шелест, но – увы! – не понимал язык Дерева. А как было бы прекрасно, если бы понимал! Смогу ли я когда-нибудь сделать это, или так и покину мир под звуки колоколов сожаления? Не знаю! Но это непонимание рождает в моей душе ощущение одиночества.

Эй, Дерево, кто ты? А я кто? А ведь внутри меня есть еще «кто-то» и, может быть, я только тень его...

III ЧАСТЬ

Когда я закрыл тетрадь, было уже поздно. Посмотрев на часы, я увидел, что стрелка коснулась цифры «пять», но не сразу сообразил – было ли это пять вечера, или пять утра? Не вставая со стула, обернулся и посмотрел за окно: там плескалась тьма, усиливался ветер, все сильнее и сильнее раскачивая оконную раму. Дверь так и стояла приоткрытой (как я ее и оставил, входя сюда), словно ожидая прихода таинственного Кого-то...

И только «песня» деревьев все звучала и звучала, но уже не где-то за окном, снаружи, и даже не в этой странной, брошенной комнате, а внутри меня, заполняя все мое существо...

1994 - 1997